

Максим Кутис

9M

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Максим Кутис

**9М. (Этюды о любви,
страхе и прочем)**

«Автор»

2019

Кутис М.

9М. (Этюды о любви, страхе и прочем) / М. Кутис — «Автор», 2019

Эту книгу лучше всего сравнить с музыкальным альбомом. Произведение состоит из девяти отдельных тягучих композиций разного темпа и громкости, каждая из которых продолжается ровно на том месте, где остановилась предыдущая. Вместе они создают одну длинную историю человека без отличительных качеств и без имени, сталкивающегося волею судеб с героинями, которым под силу менять реальность и сознание. Случайные встречи, столь обыденные в окружающей повседневности большого города, могут захлестнуть с головой, увлечь за собой, перевернуть все, что до этого момента казалось незыблемым, и обернуться в итоге самыми неожиданными последствиями. В оформлении обложки использована фотография из личного архива автора. Содержит нецензурную брань.

© Кутис М., 2019

© Автор, 2019

I

Зима в тот год пришла рано и быстро развернулась во всю мощь, заставляя городские службы работать на пределе возможностей, что, впрочем, не спасало случайных прохожих от болезненных падений. Вместе с ней пришли и холода, которые ясно дали понять, что осень навсегда осталась где-то позади. В витринах уже деликатно светилась праздничная иллюминация, словно стесняясь напоминала о приближающихся торжествах. Все это, вкупе с элегантно спускающимся снегом, приносило ощущение сказки на ночь, о которой никто не просил и мог бы спокойно уснуть и без нее.

Я шел немного позади от компании своих друзей, кутаясь в легкую куртку, и все еще отказываясь верить в неотвратимость происходящих с природой метаморфоз. Направлялись мы в некий секретный бар, чьего точного расположения никто не знал. Это вынудило нас как следует покружить, уподобляясь падающему снегу. Хотя слегка подвыпившей и начинающей злиться от своей глупости компании людей далеко до грациозной безмятежности снежинок.

В конце концов во дворе старого жилого дома мы обнаружили ничем не примечательную коричневую металлическую дверь с одиноко болтающейся над ней грушевидной лампочкой. Бар действительно был секретным, ведь никому бы и в голову не пришло бы, что за этой дверью могут наливать что-то разительно отличающееся от того, что обычно наливают за тысячами других таких же коричневых дверей в этом городе.

По крутой лестнице, явно не предназначенной для транспортировки пьяных тел, мы спустились в небольшое темное помещение, задекорированное, впрочем, со вкусом. Темно-серая фактурная штукатурка, мягкий свет от лампочек Эдисона, мощная барная стойка, за которой суетливо крутилась парочка барменов. Атмосфера относилась на Запад в поздние тридцатые года прошлого века, только без набившей оскомину мафиозной тематики и нескончаемых разговоров, что пора уже что-то делать с этим Гитлером. Но самое главное, что внутри было тепло. После долгих блужданий по морозу это было то что нужно всем нам.

Органично и компактно разместившись вдоль барной стойки, мы дружно начали дырять спину в жилетке, которая была прикреплена к человеку, ответственному за разлив спиртного. Вертевшаяся до этого во все стороны голова наконец повернулась в нужную нам и принялась выслушивать дилетантские вопросы и стандартные шутки про возможные смещения стоявших на полках перед нами бутылочек. Прошло добрых пять минут пока каждый из нас определился со степенью горечи и крепости желаемого коктейля.

После пару глотков настроение у все выровнялось и приобрело устойчивый вектор в направлении пьяного счастья. Все-таки хорошо, что в жизни есть неизменные вещи. Сам я расположился с края от нашей компании. Самое выгодное место для имитации вовлеченности в разговор. Кивая с определенным интервалом в знак того, что я слушаю о чем идет речь, я меж тем с интересом разглядывал окружающую обстановку. Вокруг нас было много приятных и даже красивых лиц, сгруппировавшихся небольшими кучками по интересам. По обрывкам доносившихся фраз можно было понять, что здесь были только представители так называемого креативного класса. Фотографы, редакторы, блогеры и прочие сословия, которых доступность информации в современном мире вывела на передний план прогрессивной мысли. Тенденция невеселая, но объяснимая. Объемы информации надо наращивать, а проще и быстрее всего это сделать представив свое виденье и мысли по поводу чего угодно во всеуслышание.

Неожиданно для себя в тот вечер я оказался в гуще самых модных тенденций, вперемишку с самыми заурядными сплетнями о тех, кого в тот момент там не было. На подобие того, что некто, кого разрекламировал другой некто, вернулся со священной земли со своим вдохновенным черно-белым фотопроектом, запечатлевающим внутренний ужас гусениц, в момент когда они уже наполовину оказались в клювах иммигрировавших птиц, не далее, чем две недели назад, но уже успел поругаться в край со своей подругой, концептуальной моделью,

и уже успел загадить весь свой отельный номер. Будучи не знаком ни с этим некто, ни с его фотопроектом, ни с, к наибольшему сожалению, его подругой эта чужая дискуссия, как и все остальные звучавшие во все стороны от барной стойки, вызывала у меня лишь некоторое недоуменно-ироничное любопытство. Благо общая мягкая тональность голосов органично вплеталась в ненавязчивые джазовые мелодии, звучавшие в заведении, и вкупе они давали приятный саундтрек к неплохому вечеру.

Не помню, сколько я сидел так, улавливая обрывки фраз со всего зала и с периодичностью поддакивая своим друзьям. Объект внимания постоянно менялся, но была маленькая компания, к которой я постоянно возвращался взглядом. Возле меня расположились три девушки. О чем они разговаривали между собой я никак не мог уловить, громкость их голосов была чуть тише общезаданного окружающего розового шума. Но была одна деталь, которая меня не отпускала. У них был небольшой потрепанный блокнотик, в который каждая из них что-то попеременно записывала. Две из трех делали это очень легко с улыбкой и особенно не задумываясь, словно у них в голове уже был этот список записей, и они лишь действовали по заранее написанному сценарию. Однако, у одной, которой сидела посредине, выходило немного иначе. Когда ручка вместе с блокнотиком оказывались перед ней, она каждый раз повторяла маленький ритуал из едва заметных, но примечательных движений. Увидев, что пришла ее очередь, она замолкала на полуслове, слегка поворачивала голову в сторону подруг, затем подушечками пальцев с черным лаком она медленно притягивала маленькую книжечку ближе. Блокнотик, повинувшись как зачарованный, скользил к ней по барной стойке. Она наклоняла и голову, чтобы прочесть, что было написано другими. Каждый раз прядь волос, убранная за левое ухо, своевольно падала, закрывая ее лицо. Прочитав, она поднимала голову, одновременно возвращая непослушную прядь на место. Затем наступала пара секунд, когда она задумывалась и машинально проводила взглядом по собравшимся в зале, однако, ни на ком не задерживаясь. Рассеянный взгляд всегда останавливался в конце на играющих отражениями разномастных бутылках с дорогим алкоголем, с любовью и вниманием расставленным на полках перед нами всеми. На несколько секунд она замирала. Были заметны только плавные, едва заметные движения ее правой кисти, легкие, волнообразные, словно она покачивается на волнах материи. И вдруг появлялась практически незаметная полуулыбка, собиравшаяся на красных губах в самом-самом уголке рта. Словно не желая показывать, что сейчас узнала что-то, что уж точно недоступно всем окружающим, кончиком ручки она прикрывала выдававший это тайное знание уголок рта. После чего уже осознанным взглядом она вновь пробегалась по головам людей в зале, давая себе время убедиться, что новое знание действительно принадлежит только ей. Удостоверившись в этом, уже с нескрываемой довольной улыбкой, она начинала медленно водить ручкой по листам бумаги. После этого она пролистывала в блокнотике пару страничек и с чуть изменившимся выражением лица, на миг принимавшим тень некоторой тоски и поджав губы, записывала еще какие-то строчки. Прядь волос снова выпадала из отведенного ей места. Отложив ручку, она перечитывала свои строчки, вносила корректировки. После чего теми же двумя пальцами перемещала открытый блокнотик своей подруге и удовлетворенно делала глоток из стоявшего перед ней стакана олд-фэшенд.

Я ловил себя на мысли, что каждый раз последовательность действий была одна и та же, менялись лишь доли секунд, которые отводились на каждый из этапов. И каждый раз я смотрел на нее, затаив дыхание, словно передо мной открывалось некое сакральное таинство.

После одного такого ритуала, примерно десятого по счету, прикончив содержимое стакана она потянулась за сумочкой и достав пачку сигарет, отправилась на поверхность. Я, движимый всем своим любопытством, последовал за ней.

На улице все так же кружил снег крупными хлопьями. После перерыва в теплом помещении со стаканом в руке можно было действительно оценить в полной мере это зимнее очарование.

Ее небольшой темный силуэт стоял чуть в стороне и выдыхал сигаретный дым прямо на пролетающие мимо снежинки. Теперь я мог разглядеть, что она была небольшого роста с аккуратной фигурой в черном закрытом платье, на плечи было накинуто зимнее пальто. Шея и грудь были плотно укрыты за темно-бордовым палантином под цвет помады. Лицо было немного вытянутое с ярко-выраженными скулами и слегка раскосыми глазами. Весь образ был великолепно вылеплен по канонам классическим гламурной готики. Однако, внешность выглядела холодно лишь на первый взгляд. Если задержать взгляд, то ее образ лишь играл с готикой, словно улыбаясь, мягко и насмешливо. Он заимствовал классические элементы, но трактовал их как-то по-своему. Изящнее, ироничнее. Тем самым позиционируя себя скорее как противоположность канонической стилистике. Взгляд же, следивший за падающими снежинками, хоть и был наполнен отстраненностью, но все-таки в нем улавливался огонек интереса. Наверное, таким же смотрят на небесах в сторону земли.

– Для меня мысль о том, что каждая из них уникальна и непохожа на других является одной из самых фантастических, что я когда-либо знала, – заговорила она вслух, обращаясь ко мне, так как по близости никого не было и в помине. – Сколько их сейчас улеглось на землю – я даже примерно не смогу представить. И все они, поразительные в своей уникальности, сейчас плавно слились в одно огромное целое, что уже невозможно различить их по отдельности. Все это как-то грустно.

– Так же, как и все уникальные люди в итоге сливаются в одну огромную массу, – попытался я продолжить с самой банальной метафоры. И сразу устыдился прямолинейности своего замечания. – Простите за такое избитое сравнение.

Она взглянула на меня с иронией и продолжила следить за снежинками.

– Простите мое любопытство, – сказал я после пары затяжек – но мне показалось что Вы пишете стихотворение в этом блокнотике?

– Можно на «Ты». Да, каждая из нас пишет по строчке. Получается такое произведение общего разума. В итоге выходит не очень-то складно, но, по крайней мере, это весьма неплохое занятие в баре. То, что приходит на ум первое я оставляю на странице со строчками подруг. Ну и в то же время пытаюсь написать свое собственное на другой страничке.

– Думаю, они разные по своему содержанию?

– Хм, ну начинаются они с одних и тех же строчек. А вот продолжают, да, по-разному. Это скорее маленький эксперимент. Все равно что бросить одинаковые зернышки в разные почву и посмотреть, что получится. Кто-то подсыплет щепотку своих ментальных удобрений, кто-то польет мои зерна водой, настоящей на своем опыте и в итоге, получится некий очаровательный уродец, в чертах которого можно конечно проследить свое влияние, но лучше оставить его в клетке и никогда больше не вспоминать. Такой вот "субботный ребенок" от поэзии. Поэтому для чистоты совести я развожу свой собственный маленький огорожок, где посаженные мною зерна находятся только лишь под моим присмотром и идея вырастет именно такой какой кажется в моем воображении.

– Интересный подход. А свои личные ты собираешь для сборника?

– Нет, я их дарю тем, кто мне понравится. Если кто-то другой их соберет в достаточном количестве и выпустит целую книгу под своим именем, для меня будет достаточно благодарственного упоминания в начале.

– То есть слава для тебя не главное?

– Почему же? Поэтическая слава – это всегда неплохо, но я выбрала другое поприще, в котором хотела бы преуспеть. Поэтому я оставляю стихосложение страждущим.

– Могу поинтересоваться, какое именно?

– У нас втроем небольшое PR-агентство. Я отвечаю за креативную составляющую, одна моя подруга – за коммуникацию, вторая за – стратегию и структуру всего нашего дела. Хотя мы, конечно, часто меняемся ролями, но в общих чертах все именно так.

– И как идут дела?

– На данный момент – прекрасно. Заказы со всего мира. Мне даже удивительно, как мы успели заработать себе столько популярности. Полагаю, мы уловили самую суть рекламного мастерства – прославление. Главное, чтобы все выглядело торжественно. И чем напыщеннее – тем лучше. Я написала столько хвалебных речей и гимнов совершенно безликим на мой скромный вкус компаниям и людям, что меня уже можно взять на место пресс-атташе Северной Кореи и, поверь мне, люди поверят, что там действительно великолепно. Не только те, кто уже там живет и действительно в это верит, но и те, кто снаружи.

Все до банальности просто: надо восхвалять сильные стороны, громко, уверенно, стильно и без тени сомнений, в какой-то момент информации станет так много, что на обсуждение минусов просто не останется пространства.

– Я если честно, не могу понять нравится ли тебе твое призвание?

Она задумчиво перевела взгляд с меня на уже давно потухший сигаретный бычок и прогнула: "Дааа", а затем добавила: "Прохладно тут, давай пойдем внутрь".

И мы вернулись в подвальчик к нашим теплым насиженным местам и обновленным коктейлям. Моего отсутствия никто из моих друзей и не заметил, а вот ее возвращению ее спутницы заметно обрадовались. Блокнотик был на прежнем месте, прямо перед ней, раскрыт прямо на «общих» страницах. Пока я согревался, она вновь проделала свой таинственный ритуал. Когда она завершила все свои священные действия, я понял, что так и не узнал ее имя. Я спросил, и она представилась. Я прекрасно помню, как ее звали, но сейчас имя ее не несет никакой значимости для оставшегося в воспоминаниях образа, поэтому я буду называть ее сокращенно К.

Затем прошла стандартная кросскомпанейская церемония знакомства. Мне были представлены две ее подруги – стратег и коммуникатор, вот их имена я не запомнил. А я в свою очередь представил им всех своих друзей. Несколько минут приветствий и ознакомительных вопросов, после чего все вернулось на круги своя – мой квартет сомкнулся, их трио также вернулось на свою негромкую волну.

Пока мы были на улице две ее спутницы пересели ближе к друг другу и К. в тот момент оказалась возле меня. В момент создания следующей части стихотворений она машинально откинула волосы, и мне открылись ее плечи и часть спины. Они полностью были покрыты были покрыты тонким узором татуировок. Флористические тонкие черные линии появлялись из-за горизонта платья, разветвлялись, переплетались и вились, увлекшись лишь им одной известной игрой, на поверхности бледной спины, простирались все выше и выше, ничуть не смущаясь и даже нахально заходили на острые выпадки лопаток, с любопытством заглядывали на открытые плечи и аккуратно, словно испугавшись своей дерзости, боязливо заходили на длинную тонкую шею. Возле линии волос они останавливались. Выглядело словно отдельная живая субстанция покрывала тело. Завороженный я бесстыдно скользил взглядом по этому лабиринту, теряясь, плутая и возвращаясь.

Мне всегда нравилась мысль, что лучше всего татуировки смотрится на девушке, на которую никогда не подумаешь, что они у нее могут быть. То есть, когда к предполагаемому достоинству образа и, если позволите, аристократичности, вдруг добавляется такой эстетический нюанс – то эффект поразителен. В данном случае к несомненно возвышенному образу прибавлялся еще и столь мощный графический аспект, что общий драматический эффект был поражающим. А то что некоторая часть этого общего рисунка была скрыта под одеждой добавляла ноту таинственности, отзывающейся изнывающим любопытством.

– Не хочешь попробовать? Мне кажется, у нас может неплохо получиться, – слышался ее негромкий голос совсем рядом со мной. Я насильно был выдернут из своего визуального путешествия. К. с прищуром смотрела на меня. Вероятно, она заметила мой неджентльменский изучающий взгляд. Смутившись, я не сразу догадался, что от меня требуется.

– Вперед! – она придвинула ко мне тот заветный блокнотик. Я взглянул на одинокую строчку на желтоватой страничке.

Во всех искрящих склянках мира,

– И что я должен делать?

– Можешь открыть душу, выпустить всех внутренних демонов, совершить интернальное хакири, вырвав свое сердце из бесполезной оболочки, дабы ее наполнила вся созидательная мощь Вселенной, и разразиться небывалыми по своей изящности и проникновенности строчками, запечатленными твоей кровью на этих страницах, которые тот час станут венцом творчества всего человечества. Но я пока просто предлагаю написать ручкой что-нибудь ниже.

Я еще раз перечитал строчку. Поколебавшись я выбрал самый очевидный и легкий вариант для продолжения, а именно спасовать, и посмотреть куда пойдет развитие действия.

Что я собрал перед собой,

– Хитро – заключила с ухмылкой К., – продолжим. На сей раз ее ритуал был несколько усеченным. Блокнотик быстро вернулся ко мне.

Виднелись сквозь пары эфира

Не думал, что в баре мне придется пройти психологическое тестирование. Надо было закрывать мысль, да еще и в рифму.

– Главное не опускаться до сочетания "собой-тобой", а то будет совсем грустно, – снисходительно заметила К. Я и сам это прекрасно понимал. Не знаю, что меня тогда дернуло, можно же было спокойной отвязаться «прибоем», «порой» или на худой конец «косой трубой». Но я пошел на риск.

Бессилье, злоба и покой.

– Вооот, – протянула К., сделав глоток. На ее устах начала проглядывать хищническая улыбка, она действовала на своем поле, и она могла использовать все прекрасно знакомые ей приемы. – Становится куда интереснее.

И я вскрывал их по порядку

Помню, что тогда, держался за две мысли: не написать банальщину самому и по возможности вынудить ее написать строчку с личным смыслом. Такое маленькое противостояние на не самом очевидном поле брани.

Все вслух, стараясь не дышать.

Видно было, что это точно не было ее домашней заготовкой, которую она использовала на не в меру любопытствующих молодых людях. Ей требовалось некоторое время, чтобы продолжить. В эти мгновения она покусывала кончик ручки, украдкой посматривая на меня.

Ведь зло желало беспорядков,

И опять мне надо было заканчивать, благо вектор уже наметился.

Бессилье предпочло бы ждать.

– Совсем недурно вышло, – заметила К. смеясь. (Не знаю, что было главной причиной: моя литературная сметливость или ее уже третий почти приконченный коктейль.) Думаю, можно переходить на следующий уровень.

– Тогда начну я, – быстро сказал я, чувствуя возможность выигрыша.

Когда придет творенье свыше...

– Вижу, ты решил играть всерьез. Что ж, мне нравится.

Она развернулась ко мне. Теперь мы сидели лицом к лицу. Я мог видеть неглубокий вырез ее платья, очертания небольшой аккуратной груди. На проступающих ребрах также была запечатлена эта живая сеть из черных линий, появляющихся и ныряющих обратно за контур платья. И снова я был затянута в этот чертов лабиринт. Довольно грязный прием с ее стороны.

Она с нескрываемым удовольствием написала свою строчку и вновь блокнотик лежал передо мной.

Покорно побреду за ним

Заметно, что она была сбита с толку, но держалась хорошо. Я продолжил:

Чтобы оставить все, что было лишним

– Похвально, – она задумалась, дав мне время в предвкушении победоносно отхлебнуть из бокала нечто, содержащее джин. Довольно сомнительное пойло, подумал я, но видимо это и есть напиток неожиданно начинающих поэтов.

Чтобы увидеть все действительно другим.

– Ловкий ход, – заметил я.

– Ты знал на что идешь, – сказала К., карикатурно задрал нос. – А теперь пойдем покурим.

И мы снова выбрались на улицу. Снег продолжал падать, оставляя замороженным любого кому не чужда пролетарская красота подворотен при низкий температурах.

– Не самое распространенное развлечение в баре.

– И очень жаль.

– Думаешь, если бы все сидели с блокнотиками в заведениях стало бы гораздо интереснее пить?

– Думаю, это помогло бы многим провести время с гораздо большей пользой, чем просто накидываться и болтать о житейских пустяках. Не сказать, конечно, что мы все постоянно ходим только для того, чтобы набросать что-то на маленькой бумажке. Вовсе нет. В иных случаях даже достав блокнотик мы оставляем его уныло пустым. Но, как бы то ни было, муза приходит чаще к тем, кто дружен с алкоголем. У меня есть немало доказательств. Хотя не без исключений, разумеется. Ей нравится, когда ход мысли становится более прямым без увиливаний и оков окружения. Можно и с чем-нибудь другим, расширяющим сознание, но это может привести к полной потере чувства себя. Полезно только в том случае, если потребуется перезагрузка, но совершенно излишне для деликатного распутывания клубка мыслей. Так что лично мне по нраву именно старый добрый алкоголь. Ты знаешь его, он знает тебя. Неожиданности сводятся к минимуму. Именно в компании с ним с самой большой долей вероятности можно найти в голове всего два слова, за которыми полюбуются и остальные. И плевать, если они пойдут вкривь и вкось, смешные и в то же время странные, глупые и неряшливые, словно любопытные дети, случайно добравшиеся до мини-бара. Абсолютно наплевать. Никто не может тебя осуждать. Потому что нельзя осуждать душу. Можно поведение, слова, поступки, но не душу. И пусть слова эти выйдут в этот мир не так лучезарно элегантно в своей воздушности как какая-нибудь светская куртизанка из Парижа середины девятнадцатого века, оставляя за собой флер тончайшей философской словесности, сверкающей нетривиальными аналогиями и умовозбуждающими аллюзиями. Пусть придет старый хромой дворник. Злой, обиженный, клеймящий судьбу, мать алкоголичку, треклятый призыв на случившуюся нехоти идиотскую войну и тот сволочной осколок, которой подло прилетел в его и так не самую светлую голову, и так там предательски и остался. И сволочную страну, которая не смогла о нем позаботиться. И окружающих обывателей, смеющихся и боящихся его. И вот он будет орать на бумаге абсолютно нескладно. Материться, завывать и портить бумагу слезами и кляксами. Но главное что он покажется. И первая, и вторая душа одинаково имеют право на существование. И даже не право. Форма не важна, важно чувство, важен посыл. На бумаге останется только честная мелодия, парящая мысль....

К. неожиданно остановилась и задумалась, замерев в своем ораторском ступоре, остановив кисть с дымящейся сигаретой в наивысшей точке дуги сдержанно-рассуждающей траектории. Я не мог понять, стоит ли мне вставить какую-нибудь свою реплику, или она выдерживает просто драматическую паузу. Однако, я пользовался этими ничтожными по своей продолжительности, но невероятно великолепными микромоментами, чтобы сполна рассмотреть К. Тогда на улице дополнением для этой черной изящной статуэтки, высотой с невысокую девушку на каблуках, были и маленькие снежинки, имевшие честь, оказаться на черных атласных волосах и легкие дуновения ветра, колебавшие опадавшие пряди. Устремление взгляда ее

оставалось неподвижным, только слегка раскрывались глаза. Можно было уследить крохотные движения носа, подававшего признаки дыхания. Именно каждый раз спасало меня от мысли, что время вдруг остановилось для всех остальных кроме меня. Если в эту секунду К. оставляла руку приподнятой, то ее тонкие длинные бледные пальцы еле заметно дрожали. Возможно, от холода, возможно из-за бури, раздражавшейся в эти секунды в ее голове. Она была поглощена своими размышлениями. Можно было представить как миллионы отсылок и размышлений в один момент сталкивались на перекрестках синапсов в ее прекрасному мозгу, сливаясь и перекрывая друг друга, порождая тонкие и решительные умозаключения, которые готовились пройти через пресс словообразования, обрести подходящие им звуки родного языка и вынырнуть через несколько секунд через решительно оживающий рот. Я же в это время как полностью отдавался созерцанию, жадно ловя момент и оставляя все свои мыслительные процессы. Иногда случалось, что за эти секунды я абсолютно терял мысль ее повествования, углубляясь в зрительное путешествие по чертам ее лица и абрису тела.

Да, – также неожиданно ожила К., и логично закончила движение руки, поднеся сигарету к губам, – так что место, где темно и наливают – самое подходящее, чтобы начинать изливать свои мысли, а не просто давать им забродить как паршивому вину. Но это уже давно известная истина.

– Так, а если у человека и нет мыслей вовсе?

– Ну нет, это невозможно. Мысли есть всегда, но их направление и эмоциональное окраска всегда разнятся. Если их нет, то это уже состояние полной Нирваны и можно только позавидовать. Хотя это же наверняка ужасно скучно.

Ее лицо избавилось от разгоряченных драматических ужимок, которые сменяли друг друга за промежуток произнесения речи. Глаза были предельно серьезны. Момент был совершенно отличный от присущих ей замираний. Она была не где-то там в прострации, в искрящихся мыслях и собственных рассуждениях, а именно тут, со мной, напротив меня, проникала в мой разум, шла напролом в самую глубину, сметая все на своем пути. Взгляд ее был словно идеальный вирус, неостановимый и разящий. И я стоял замороженный, как обезьянка перед удавом, не смея даже помыслить отвернуться, дабы скрыться от серьезности сложившегося положения. Но даже если бы я попробовал это сделать – было бы уже слишком поздно.

Все наружное ушло на второй план, вышло из ореола внимания. Ни холода, ни опьянения никогда не существовало. Взаимодействие перешло из общепринятого мира напрямик в мою черепную коробку. Вот так просто, всего одним взглядом. И там оно продолжалось, уже не в форме монолога с нелепыми уточняющими вопросами, а метафизически, процессами возникновения, поглощения и слияния материй, которые можно только неуловимо прочувствовать лишь в избранные моменты жизни. Ужас и спокойствие, нетерпение и умиротворенность, невыносимое желание и эйфория. Возможно, именно это ощущают в момент смерти.

– Пойдем уж, – произнесла К. с легкой улыбкой, вернув нас обоих из космоса в пустынный заснеженный дворик. Каким бы притягательным и уникальным не был момент до этого, как бы мне не хотелось его поймать и растянуть, возразить я ей не мог. Мы плечом к плечу нетвердой походкой отправились обратно в теплый подвальчик.

В помещении атмосфера наслаждалась своей изолированностью, ей была абсолютно безразлична ситуация снаружи, будь то откровения одного отдельного человека или целая атомная война. Из-за небольшой площади и постоянного круга уютно устроившихся посетителей, она отвергала всех новопришедших решительной и бескомпромиссной нехваткой стульев. Белый шум окружающих разговоров оставался на прежнем уровне, разрываемым лишь порой громким залившимся смехом какой-нибудь из посетительниц, что казалось несколько невежливым по отношению к общему состоянию размеренности.

Единственным отличием было состояние двух сопровождающих ее подруг. Пока мы отсутствовали они успели прилично поднабраться и загрузить. Блокнотик лежал на том же

месте, перед местом К. Я поймал слегка обеспокоенный взгляд бармена, который демонстративно не убирал пустые стаканы перед ними. Видимо, полагая, что этот недвусмысленный намек привлечет каких-нибудь охотников за легкой добычей, которые с удовольствием отведут двух слабо соображающих девушек куда-нибудь подальше из этого заведения.

– Странно, мне казалось, что мы там простояли совсем недолго, – сказала К., аккуратно, разворачивая подругу- "стратега" к себе и оценивая ее дееспособность.

– Вероятно, в тепле время идет быстрее, – ответил я, усаживаясь обратно на свое место.

– Хм, зря Эйнштейн не учел это в своей теории относительности, тогда я бы чаще поглядывала на часы на морозе.

К. разочарованно поглядела на блокнотик, который за время ее отсутствия не наполнился ни строчкой.

– Пожалуй, нам лучше отправляться.

– Понимаю, мне проводить вас?

– Нет, не стоит. Я уже бывала в этой ситуации. Есть вероятность, что случится такое, что точно не стоит постороннему человеку.

Я понимающе кивнул. Пока ее подруги неспешно одевались, К. пролистала блокнотик.

– Не хочешь забрать себе, что мы с тобой набросали тут? – спросила она с осторожной улыбкой.

– Да нет, пусть лучше останутся у тебя, – отмахнулся я. Полагаю, этот ответ ей не понравился. Она возмущенно посмотрела на меня исподлобья.

– Давай лучше ты оставишь мне свой номер телефона, и мы встретимся и попробуем изобразить, что получше, – я попытался исправиться.

– Хорошо, – сказала она, начертав на чистом листике из блокнота цифры. После чего, придерживая обоих подруг сразу, К. направилась к выходу. Секундами позже я поднялся наверх, но во дворе уже никого не было. И я остался, закурил и постарался освежить в памяти то ощущение от ее взгляда. Но не смог. Оставались только листок бумаги с цифрами в кармане и надежда на новую встречу.

Больше ничего примечательного тем вечером не случилось. Три места рядом со мной заняли три иностранца в белых рубашках и принялись шумно закидываться коктейлями на основе водки. А я за неимением лучшего вернулся к друзьям, меланхолично слушая их затухающий разговор. Они уже пришли к согласию, что прикончат последний раунд напитков и пора уже разбредаться по домам.

Следующий дни К. не выходила из моей головы. До того вечера я довольно тепло относился к алкоголю, но довольно прохладно к поэзии. Я, конечно, уважал ее как жанр искусства, даже мог вспомнить немного из школьной программы, однако, всерьез она меня никогда не цепляла. Сомнительное занятие подбирать слова в рифму. Любой человек со знанием языка и средней сообразительностью сможет справиться.

Но произнесенная страстная речь маленькой девушки в черном платье в темном заснеженном дворике засела у меня в мозгу. Вероятно, именно это она и хотела сделать, пристально всматриваясь мне даже не в глаза, а куда-то гораздо глубже. Теперь нет никаких сомнений по этому поводу. Всю мощь, весь тот невообразимый посыл, что она связывала с этим благородным занятием, она собрала в один единственный импульс. И грубо без приглашения просто поселила в моей голове.

Я прекрасно помню то чувство, крепко засевшее во мне. Если попробовать сказать двумя словами – то я просто начал видеть куда больше, чем раньше. Звучит странно, я знаю. Оно приходит постепенно, начиная с крошечных малозначимых деталей, будь то необычный клочок бумаги, подгоняемый ветром вместе со снегом, или же например необычайно яркий цвет шарфа у девушки, что стоит перед тобой в очереди. И чем больше ты начинаешь вглядываться, тем больше тебе открывается. Ты вдруг понимаешь откуда попал сюда этот клочок, почему

девушка выбрала именно этот оттенок красного, как они оказались в этой точке пространства и времени. И самое главное приходит понимание, что это не случайность, а все именно так как и должно быть. И вот, ошеломленный, ты просто стоишь и в изумлении смотришь вокруг. Ты вдруг стал свидетелем работы мироздания, процесса на котором базируется вся жизнь. Все вокруг предстает неразрывно связанным друг с другом. И связь эта не вовсе не какая-то черная материя, невидимая, неосязаемая, но подразумеваемая и вроде как реальная. Это – нити. Тончайшие, воздушные нити разных оттенков красного цвета. И ты видишь их, каждую в отдельности и мириады вкупе, связывающие разрозненное воедино и все сущее, сплетенное ими. Они лежат на кончиках пальцев, отправляются во все направления сразу, игриво опутываются вокруг всех оказавшихся рядом людей, проникая или же наоборот – уклончиво и своевольно обходя в опасной близости, игриво стелются по земле, свободно вздымаются вверх, при этом отзываясь на каждое малейшее дуновение ветра, вплетаются в облысевшие деревья, и взрываются с них вместе со стаей черных ворон. Они не останавливаются и не заканчиваются, они аккуратно опоясывают каждый неодушевленный предмет, каждую ничемную на первый взгляд вещь, деликатно и необременительно, но неуступчиво и бескомпромиссно, ничто не может от них избавиться или сбросить с себя эту сеть. Они заставляют предмет подчиняться своим тончайшим вибрациям, входят в него, играют им, проникают в каждый атом, заполняют пространство внутри. Тем самым они создают связи и заставляют все вокруг куда-то двигаться. Все сплетено.

И можно взять любую из этих нитей и последовать по ней, ощущая каждый ее поворот, сквозь пальцы пропуская каждое натяжение и послабление, натываясь на обрывы или спутанные клубки, обойти вокруг целый город и обнаружить, что нить приходит к одинокому покосившемуся фонарному столбу где-нибудь на окраине. И вместе с ней увидеть не только внешний облик этого столба, но и его память. Увидеть его реакцию на каждую каплю дождя, что когда-либо падала на его поверхность, на каждый звук, что доходил до этого места. И не просто вообразить или сфантазировать, а именно увидеть и стать частью этого. И таких нитей перед глазами появляется невероятное количество, и уходят они из вашей гостиной по направлению к млечному пути. Божественный замысел в представлении помешавшейся эстетствующей портнихи.

И все перед тобой, все становится так просто и объяснимо и вот оно лежит прямо перед ногами, словно кто-то бросил к ногам все ключи от когда-либо запертых дверей. Это ввергает в ступор. Когда столько путей – выбор невозможен. И что делать я не имел ни малейшего представления

Тогда для меня тогда открылась еще одна, скажем так особенность. При взаимодействии с чем угодно, эти нити тащат за собой во это огромное количество взаимосвязанной информации, истории и даже литературных отсылок. Например, сделав один глоток обычного отвратного растворимого кофе, я попеременно оказался и на залитых палящим солнцем высокогорной плантации Кении, услышал дребезжащий звук назойливых насекомых, как они одурев от жары просто врезаются в шею и застревают в волосах, ощутил мозолистые руки несчастной черной женщины сорока лет от роду, оставшейся без мужа после трагического несчастного случая на скотобойне, увидел блестящий пот на ее лбу и тщательно скрываемые слезы по причине идиотского поведения ее старшего сына, отправившегося в соседнюю страну, и там связавшегося с фанатичной вооруженной группировкой. Он, конечно, обещал помогать деньгами, а позже и вернуться во славе победителя и даже намечал сам себе неплохие перспективы в новом правительстве после переворота. Однако, ее коллега по сбору кофе все не переставая рассказывала о железной выдержке прогосударственных сил и беспощадности нынешнего тирана и что уже немало историй было про головы молодых ребят для потехи и устрашения насаженных на колья. Тем самым выжимая у женщины все новые и новые приступы слез. Со следующим глотком в моих волосах уже был предзакатный ветер и придорожная пыль, солнце

нехотя опускалось за небольшой холм, слышал как водитель наконец когда он один мог удовлетворить свою любовь к американской поп-музыке и громко подпевал старой поп-песенке. Далее почему-то были песчаные карьеры и завод по изготовления керамики, видимо, в дело добавились вибрации кружки. Потом еще грузовой самолет, с покрывалом из растянувшихся у него под брюхом кучевых облаков. Небольшая турбулентность, но в остальном все в порядке.

Кофе я так и не допил. Пока я оказывался и опробовал каждое из этих, хммм, я бы не назвал это видениями или фантазиями. Скорее это множество реальностей, наслаивающихся на ту, в которой был я. Или воспоминания, которых у тебя никогда не было, но которые были у всего окружающего. Порой это было захватывающе и волнительно. Но в большую часть времени мне хотелось просто выпить кофе, а не вдаваться во все трагедии огромного завязанного самого на себе окружающего мира. Что стало довольно проблематично.

Я попытался успокоиться и постараться разобраться, что это, для чего, откуда. Почему именно мне, почему сейчас? Вопросы сыпались, но оставались без какого-либо ответа. Даже предположения. Все было слишком ново, слишком необычно, чтобы примерить хоть какой-нибудь из прежних вариантов ответа. Оставался только образ невысокой брюнетки, что так пристально смотрела на меня. Только она выбивалась из общего ничем не примечательного хода событий жизни. Хорошо, что у меня остался ее телефон. Кто знает, может быть ей известен требуемый порядок действий.

Я набрал ее номер. Был вечер, голос К. звучал сонно. Я смущенно представился и напомнил ей о недавно прошедшем вечере. Было приятно, что она меня вспомнила или, по крайней мере, сделала вид. Она сообщила, что улетела на съемки рекламы какого-то йогурта. На вопрос, когда вернется, я получил ответ, что в лучшем случае, только на следующей неделе. Все-таки йогурт элитный, приглашенные актеры капризные, погода ни к черту, сценарий заезженный, а съемочная группа тайком выпивает. Но надо все выполнить гладко. "Да-да, конечно", – отвечал я слегка растерянный, перебирая красные нити между пальцами.

Дни тянулись мучительно долго. Там, где она находилась, погода не менялась, сценарий переписываться не желал, актеры капризничать не переставали. Насколько я мог судить по тексту сообщений, ее настрой тоже был далеко не фонтан. Меня лишь немного успокаивал тот непререкаемый факт, что как бы не были тяжелы рекламные роды, в конце концов они всегда заканчиваются рождением.

Мне оставалось только аккуратно выполнять каждодневные хлопоты, изо всех сил стараясь не оглядываться по сторонам. Не покидало чувство, будто я мелкий мошенник, неожиданно для себя загремевший в тюрьму строго режима, или же застенчивый ботан-старшеклассник, перешедший в новую школу. В голове только держалась одна мысль: "Не смотреть по сторонам, никуда не ввязываться". Иначе не успеешь моргнуть глазом ты оказываешься в самых неожиданных местах, видишь их хитросплетения, в голову вплетались образы и мысли. Словно меня насильно заставляли быть свидетелем и смотреть на безжалостный видеоряд, в металлической маске, не позволявшей закрыть глаза. Только режиссером был не Кубрик, а само величие хаоса. На выстроенный свет и мало-мальски логичный сценарий рассчитывать не приходилось.

К примеру, однажды я решил, не подумав срезать изученный путь, и пройти по незнакомому переулку, как на меня сразу напали воспоминания этого места. Размеренный вечер сменился глухой зябкой ночью. В этом грязном антураже, среди глухих стен и молчаливых окон предо мной предстала омерзительная сцена изнасилования. Девушка также, как и я два года спустя решила срезать путь, дабы успеть на последний троллейбус до дома. Однако, не успела дойти. В этом же переулке дождался недавно ставший отцом молодой человек. Все происходило с крайней степенью зверства. Самое ужасное, что я не только мог видеть это зверство, но еще и чувствовал его. Те взорвавшиеся эмоции проникали в меня по этим красным путеводным нитям, и безжалостно вгрызались в каждую клетку. Похоть и гнев одного были внутри наряду с беспомощностью и отвращением другой. Но основополагающим у обоих был страх.

Противоречивый, но словно объединяющий их обоих. И я стоял в ступоре, очевидно, что не в силах что-либо сделать. И не в силах отвернуться или сбежать. Мимо проходили случайные прохожие, нынешние и прошлые. Кому-то было известно это происшествие, ведь потом об этом написали в криминальной хронике местной газеты, кто-то понятия не имел и спокойно проходил мимо. Когда все закончилось мужчина быстро сбежал, петляя по ближайшим улицам, гонимый своим личным страхом. Девушка же еще долго оставалась лежать на земле в разорванной одежде, обездвиженная своим ужасом, она не могла пошевелиться, давилась, крики о помощи так и застыли в ее горле, вываливаясь наружу уродливыми скомканными еле слышными звуками. А я все стоял не в силах отвернуться. В конце концов меня вырвало, что хоть немного привело меня в чувство. Девушку спустя час обнаружила вышедшая на вечернюю прогулку с собакой пожилая учительница, она и вызвала полицию.

От этого места тянулись все те же нити, впрочем, как и от любого другого. Они никак не отличались, например от линий, которые тянулись от качелей, стоявшей в соседнем дворе, на которых уже пятьдесят лет катались, сменяя друг друга, разные поколения живших тут малышей. Алым сплетениям было совершенно безразлично, к чему они приводят и откуда они распространяются. Оставаясь постоянными в своем цвете и фактуре, с присущей каждой из них легкостью они могли привести как на место суицида, так и на ландшафтное возвышение в парке, откуда открывался прелестный вид на закатное солнце. И то, и другое всего лишь момент времени, стечение обстоятельств, для них такое же непримечательное, как и любое другое. Качественное или этическое наполнение не играет никакой роли. Поэтому следовать по ним было каждый раз сродни сюрпризу, словно путешествовать без карты. Частенько я возвращался к тому же месту, с которого и начинал. Но порой оно подкидывало подобные случаи, обрушивающиеся на тебя ни с того ни с его омерзительными гранями бытия.

Переполюснутый отворачиваниям я все же последовал за линиями, что отходили из этого глухого переуллка. Идти до самого края у меня не хватило духу, только немного, дабы удовлетворить свое мерзкое любопытство. Смотреть им в лицо у меня не было никакого желания, но мне было любопытно как они пережили это происшествие. Красные нити уходили за город. Оба лица, оказавшихся в тот момент в том месте, сменили место жительства. Девушка, по началу замкнувшись в себе, постепенно отошла от случившегося. Прошла курс психотерапии, сейчас она была вполне счастлива. Готовилась к замужеству. Вероятно, сейчас она ведет размеренную замужнюю жизнь и даже в кошмарах не возвращается мыслями к тому темному переуллку. Мужчина, как многим показалось, поспешно сменил работу и переехал со своим только что разросшимся семейством в соседний город. Он спрятал глубоко в себе любые воспоминания о своем преступлении. Единственное, что продолжало объединять их – это приступы первородного страха, внезапного обрушающегося на них ужаса, случавшихся с разной степенью периодичностью, но чаще всего в городе, особенно в толпе, мимолетное мельчающая деталь, каким либо образом связывавшаяся мозгом с событиями двухлетней давности тотчас заставляла сердце биться быстрее, дыхание учащалось и выступали капли холодного пота. Такой деталью могло стать что угодно, будь то отблеск холодной луны в чьем-то окне или даже завывание ветра в той же тональности, как и тогда в переуллке. И даже есть память подсказывала, что ничего общего у этой стены с теми, что беспристрастно окружали их тогда не было и луны тогда за вообще видно не было, то это никак не помогало. Страх уже был внутри, ломал преграды и видоизменял детали, смахивая пыль с полки погребенных воспоминаний. Хотя природа и причины появления его была различны, действие он оказывал на обоих одинаковое. Требовалось немало усилий, чтобы прийти в себя и натужно улыбнуться окружающим людям, заметившим нешуточное изменение на лице, отмахнуться от вопросов и сослаться на усталость.

Эпизоды, подобные этому, всерьез выбивали меня из колеи. Я был счастлив, если день проходил без новых инцидентов, на которые я мог наткнуться по своей неосторожности. Я

выходил из дома в одно и то же время и старался вернуться также осторожно, действовал по проверенному сценарию. Окружающих прохожих, я сторонился, предпочитая смотреть под ноги, а когда шея начинала болеть, то в небо. На небесах ничего не происходит. Хотя нити и спускались сверху, их было не так много. Хотя с тем же успехом они могли и вздыматься наверх. Их направление понять было невозможно. У них нет ни конца, ни начала.

Я уже потерял всякую надежду на возвращение своего божественного незнания, когда одним поздним вечером получил сообщение от К. Она вернулась в город. Как же я был рад, хотя даже понятия не имел, как это может мне помочь. Но почему-то продолжал питать большие надежды на ее присутствие или разъяснения. Но с таким же успехом, она могла ничего не понять или же подумать, что это полнейший бред. Я осторожно спросил ее о возможности встречи, однако к моему разочарованию, ей необходимо как следует выспаться, чтобы потом присутствовать при процессе монтажа. Ведь ее партнерши хоть и умные, и сообразительные личности, но данный вопрос всегда лучше держать под личным контролем. Но она дала слово, как закончится этот проект, что мы обязательно куда-нибудь выберемся. "Да-да, конечно», – ответил я, изображая оптимизм. Это стало самым часто употребляемым мною словосочетанием за все время этой безнадежной переписки. Я выругался вслух и залез под одеяло с головой, образы фабрики по производству одеял из синтетических материалов не давало особенной пищи для ума, поэтому я смог спокойно уснуть.

Следующим днем я обдумывал, как мне аккуратно ввести ее в курс своего случая. "Привет, я вижу все взаимосвязи бытия", "О какое изящное платье. Наверное, из нитей. Кстати, о них. Я вижу, как буквально все пронизано, связано, обусловлено." "Ах да, помнишь как мы говорили о поэзии. А ты знала, что "стулья в вашей гостиной и Млечный путь связаны между собой. И более тесным образом, чем причины и следствия, чем вы сами с вашими родственниками" – это ни хрена не метафора, с самая что ни на есть долбанная реальность?". Как ни крути звучало это все прямо скажем безумно. Но оставался один хитрый вариант в запасе и заключался он в том, чтобы как следует напиться. Во-первых, любые даже самые невероятные теории и доводы звучат куда убедительнее, когда ты пьяный. Во-вторых, мне самому было любопытно, как будут выглядеть новые аспекты мироздания под градусом. Одному было страшно, с прежними собутельниками – неуместно, а вот в компании К. будет мне казаться будет как-то спокойнее. Как следует поразмыслив, я решил пометить этот план как "Б", все-таки я, по сути, ее совсем не знал, хотя и успел наделить ее чертами понимающей провидицы. Надо действовать осторожно, по обстоятельствам.

Спустя пару дней я все-таки получил долгожданное приглашение от К. Она предлагала мне сходить вместе с ней на презентацию книги, раскруткой которой занималась ее команда. Не самые, конечно, подходящие условия для философских кривотолков, но хоть что-то. Встреча была назначена днем позже. Отлично, пронеслось у меня в голове, есть время подготовиться, привести себя в порядок. Может быть даже получится нормально выспаться. В последнее время, мой мозг был буквально переполнен разнообразными впечатлениями, отголосками прошлого, событиями настоящего и предвестниками беспокойного будущего. Все эти отрывки материи застревали и беспорядочно наслаивались у меня в бессознательном отделе, выливаясь потом в причудливые и беспокойные сновидения. Стало проблематично просто спать, беззаботно отправляться в царство Морфея, свернувшись калачиком. Каждая раз, перед тем как забраться в кровать, я собирался с силами и мысленно готовился к новой серии бесвязных приключений, наполненными причудливыми образами и аллегорическими мотивами. Ночью я словно пытался пройти мозгоиссушающий квест, срежессированный шизофреником на спидах. В ход шло все что угодно, и темные леса с преследующим меня маньяком, который оказывался моей собственной матерью, и щемящее чувство невозможности попасть в зачарованный замок, используя вешалку, говорящие крысы, поглощавшие меня стены, обезображенные двойники, землетрясения в стране шоколада, выпадавшие зубы, эхо войны, инвалидность,

окружение из одних безмолвствующих манекенов, а также, разумеется, всевозможные символы вагин. Во снах я умирал несчетное количество раз, каждый раз оказываясь в новом антураже и перед новыми задачами. Помимо прочего мало того, что я мог проснуться посреди ночи в поту и тяжелым дыханием, проснуться от крика и фантомной боли, под таким впечатлением, что мне приходилось еще некоторое время походить по комнате прежде, чем снова отважиться заснуть опять. Если я просыпался под утро, то еще доспать у меня уже не выходило. И это при всем том, что я специально отправлялся к подушке, изрядно уставшим, чтобы избежать мучительного анализа образов перед тем, как заснуть, я предпочитал вырубиться сразу под тихий бубнеж чего-нибудь безопасного и до боли известного. Например, серий старых сериалов, виденных уже дюжину раз.

Выспаться как следует и на этот раз не вышло. Мне приснилось, что я был за городом с родней. По всем каналам объявили, что все ядерные боезапасы всех стран были запущены и что оставалось всему живому по расчетам часов шесть. Я пришел в жуткое беспокойство. Пытался всех собрать, чтобы что-то придумать, уехать как можно дальше или же отыскать ближайшее бомбоубежище. Но никакой реакции от них не последовало, хотя абсолютно все были в курсе. Все с пассивностью и готовностью были готовы к ярким столпам разрушающего света на горизонте, неспешно делали свои обычные дела. Ну да, мы все умрем, какая разница раньше или позже. Обескураженный я вернулся домой, чтобы попытаться самому что-либо предпринять. Включил телевизор, чтобы узнать, что делать при таких чрезвычайных ситуациях, куда бежать, где укрываться. Однако, там как обычно шло каждодневное ток-шоу, где абсолютно с таким же настроением смирения и безучастности, подводили какие-то итоги человечества, и ведущий с грустной улыбкой прощался с многомиллионной аудиторией. И тут в состоянии полнейшего непонимания и растерянности я и почувствовал приближающиеся зловещую вибрацию, от которой и проснулся. Под окном к булочной подъехал грузовик, доставляющий свежую выпечку. По крайней мере неприятный осадок после пробуждения был скрашен запахом только что испеченного хлеба.

Хотя время в этот день играло против меня, вечер все-таки наступил. Одевшись поприличнее, я был у входа в ночной клуб, где должно было проходить мероприятие. К. заранее меня уведомила, что не сможет уделить мне много времени, так как для нее это работа в первую очередь, а свои обязанности она привыкла выполнять самым надлежащим образом. На входе стоял охранник со знакомым лицом. Я вспомнил, что именно он не пустил меня на вечеринку полгода назад, видите ли, я недостаточно презентабельно был одет, хотя, по правде сказать, тогда до этого я успел шлепнуться в лужу и был весь в подсохших грязевых разводах, но мне все равно казалось, что я все равно весьма хорош собой и охранник повел себя несправедливо. Но так и остался на улице. Я, конечно, его прекрасно понимал, но все равно чувство собственного достоинства было глубоко задето, поэтому сюда я ни разу не возвращался за эти полгода. Теперь же у него не было ни единого шанса придраться ко мне. Я протиснулся сквозь немногочисленную группку тусовщиков на входе, которые отчаянно перебирали куда же им теперь направляться, вследствие неожиданного частного события, я оказался прямо перед ним. По прищуре и надменно поднятой верхней губе, мне показалось, что он меня вспомнил. Он был на целую голову меня выше и, наверное, на две дюжины голов больше меня в объеме. Я нагло смотрел ему прямо в глаза, собственно, как и он на меня. Возможно, он прочитал всю степень решимости и отчаяния моего положения и понял, что в этот вечер мне точно лучше не перечить, возможно просто мое имя было в списке, но он почтительно сделал шаг в сторону и всей своей фигурой приглашал меня войти.

После узкого темного коридора я вошел в обширное основное пространство клуба. Как же невероятно выглядели эти алые колышущиеся нити при модном приглушенном люминесцентном свете: они отражали его, играли с ним, придавая своему невыносимо легкому движению безмятежную фатальную эстетику, и разлетались по всему помещению, легко покачиваясь

в такт безликого медитативного музыкального сопровождения. Некоторое время я стоял абсолютно замороженный, не решаясь пройти вглубь и нарушить этот гипнотический арт-перформанс, и просто смотрел по сторонам широко раскрытыми глазами. Наверное, также смотрела бы акула на организованный косяк из мелких рыбешек, который пытается сбить ее стольку своим отлаженным движением, если бы у нее было хоть немного эстетического восприятия. Мои же алые линии переплетаясь устремлялись к каждому из большого количества людей, что здесь находились. В принципе не надо было обладать сверхвосприятием, чтобы понимать, что все здесь и так связаны между собой.

Все это общество было буквально окутано алыми связями: они обвивали шустрящие ноги подающих закуски, аккуратно ложились на согнутых в локтях руках, держащих наполненные бокалы, нервно содрогались на трясущихся от смеха плечах, вплетались в роскошные локоны или эротично покоились на бедрах безмянных спутниц. В этом замкнутом пространстве они опоясывали всех и вся. Какой-либо нужды отслеживать взаимосвязи меня не было, этим и так прекрасно занимались работники светских изданий, которых здесь опять же было в изобилии.

Какие-то неизвестные писатели бывшие и нынешние с тремя пустыми книжками, которые по сути о них самих, но все эти книжки всегда стоят на полках над картонной вывеской "Топ-продаж", продюсеры, чьими усилиями они там и оказываются, журналисты, которые тоже вносят свою лепту в рейтинги своими рецензиями, уверенные только в своем таланте и массовых идиотизме и продажности официанты, которые всегда за пазухой всегда носят экземплярчик своей собственной рукописи, чтобы оставить у кого-нибудь под носом. Еще богатые тусовщики, просто лица с экрана и глянцевого страниц, которых ты почему-то знаешь, но вот почему они известны – мало кто имеет хоть малейшее представление.

Я не обращал много внимания на присутствующих. У меня был всего одна цель – увидеть К. Нити никакого содействия мне не оказывали. Мне лишь приходилось аккуратно просачиваться сквозь хаотично стоявшие группы людей, пытаюсь ее заметить.

Я прочесал всю площадь помещения, рисуя у себя в голове хорды пройденных путей. В моем понимании не могло быть ни одной точки в зале, которую бы я не изучил. Однако, все было безуспешно. Я уже начал ходить по третьему кругу, как встретил ее коллегу, которая тем вечером была с ней в подвальном баре. Не сразу, она тоже меня вспомнила. После обмена приветствиями, на мой вопрос о К. она как и неутешительно предполагалось ответила: "Где-то тут. Она любит быть в прямой гуще бурь и вьюг и следить за развитием событий. Так что посмотри внимательнее". Вместо раздосадованного "Да я этим уже долбанное полчаса только и занимаюсь" я просто вежливо откланялся. После еще пары бесплодных заходов и нескольких недовольных взглядов и пролитых напитков, я решил изменить тактику и направился к бесплатному бару. Хотя бы его за это время я успел разыскать.

Предавшись символическому воспоминанию, я взял коктейль на джине, тем самым решил проверить свою собственную мысль, что К. появится, только после того как я пропущу пару стаканчиков.

Но я ошибался. Пошел третий стаканчик, я все безуспешно всматривался в самую суть этого бала Сатаны. Но он все отказывался извергнуть из себя требуемую мне персону, хотя может сама персона не желала появляться. Или попросту забыла. Порции выпивки я по старому доброму завету чередовал с сигареткой на улице у входа. Но там тоже вопреки всем надеждам находился только мой старый приятель охранник. У него был нюх и опыт, так что каждое мое появление сопровождалось строгим наблюдательным взглядом, будто он только и ждал моей осечки, чтобы выставить меня на улицу, словно бродягу, случайно затесавшегося на вечеринку богачей с фальшивой кредиткой. Чтобы себя развлечь, я даже начал изображать легкую нетвердость походки и рассеянный взгляд. Но ровно до того предела, чтобы он все-таки не посчитал нужным подойти ко мне. Так и мы стояли по пять минут рядом каждые полчаса. Удивительно, но больше никто на улице не появлялся. У официантов наверняка было свое

место у служебного входа, а гости могли спокойно покурить в специально отведенном месте в самом заведении, где они могли предаться последним сплетням и разговорам без напыщенной светской вежливости. Этот закуток был мал и интимен, поэтому туда я точно не хотел заходить. Там наверняка все прочуют, что я явно лишний на этой тусовке. Даже сквозь массивный столб дорогого табачного дыма. Посему я довольствовался классическим местом у входа.

Чем больше времени проходило, тем все в большей растерянности я был. К. не отвечала и не находилась. В ее телефоне были только долгие гудки. Остроумных идей у меня не было, разве что запастись терпением и дождаться измором покуда все гости будут начинать расходиться ближе к концу вечеринки. Идея не самая гениальная, поскольку я наверняка напьюсь быстрее, чем люди, у которых все-таки есть дела и интересы тут. Но в схватке между целеустремленным здравомыслием и безнадежной скукой последняя уверенно побеждала.

За барной стойкой я опять погрузился в пассивное созерцание. Красные нити плелись за проходящими мимо людьми. Показалось, что они теперь выглядят как-то уставши. Возможно, из-за огромного их количества в каждом кубическом метре пространства. Помимо всего прочего здесь происходили новые перспективные знакомства, как в плане творчества и бизнеса, так и в других более личных планах. Появлялись новые и новые, которые были идентичны существующим, они опоясывали людей, наслаивались мешались друг на друга, опоясывали людей вокруг талии, у некоторых счастливиц они образовывали изящные алые петли вокруг шеи. Насколько, это символически и пророчески сказать не берусь, вследствие полнейшего незнахания некоторых отдельных личностей, их текущего положения и вероятного развития событий в будущем. Возможно, стоило последить за желтой прессой или освещением светских событий в ближайшем будущем.

– Хорошо тебе, можешь спокойно пить, а мне приходится носиться тут словно белке на кокаине.

Я обернулся. К. стояла совсем рядом, в полуметре от меня. Выглядела она роскошно. Безупречное черное платье подходило ей идеально. Закрытое спереди оно плавно огибало все ее изгибы, и ниже талии стремилось свободно вниз, уходило в пол, полностью закрывая грудь и ноги, но создавая гипнотический абрис. Волосы были аккуратно уложены сзади. В ушах минималистичные платиновые серьги с небольшими камнями. Ну тонком запястье покоились пара браслетов из того же метала, на пальце же красовалось массивное кольцо на всю фалангу. На ней был эффектный, но сдержанный вечерний макияж, глаза подведены длинными черными стрелками, скулы легко подчеркнуты тенями, на губах темно-алая помада.

Она сделала глоток из моего стаканчика, слегка поморщилась, но поджала губы в знаке одобрения. Затем поцеловала меня в щеку.

– Ну здравствуй. Рада, что ты заглянул на наше мероприятие.

– Привет, – сказать, что я был рад ничего не сказать. Ее эффектное появление из ниоткуда бросило меня в эйфорический ступор. Хотя я много раз проигрывал в голове нашу вторую встречу, когда она таки случилась я признаться растерялся. – Мило у вас тут.

– Конечно, такое событие, – ответила она, скорчив саркастическую гримасу.

– Я хотел было тебя найти, но мне это никак не удавалось. Прошел все вдоль и поперек. Хотел было спросить, но я же тут никого не знаю. Вот и оставалось сидеть у бара в режиме незаметного наблюдателя.

– Да, прошу меня извинить. Все-таки это – работа в первую очередь для меня, это для всех остальных празднество.

– Будешь что?

– И снова извини, но пока нет. Не могу расслабляться, прежде чем вынесут торт. Вот тогда уже все обязательства исполнены, все самые придирчивые уходят или напиваются и уже можно спокойно наслаждаться остатками вечера. Наверное, стоило тебя предупредить.

– Да нет, что ты, мне вполне себе весело. Я сию придумываю шутки и остроумные комментарии у себя в голове и тихонько посмеиваюсь над ними.

– Да я вижу, здорово. С удовольствием присоединилась бы... А, черт, – Тут ее телефон завибрировал, – Секунду.

Она внимательно прочитала пришедшее ей сообщение и беззвучно выругалась.

– Извини меня буквально еще на пару секунд. Как же надоело то это все...

Написала внушительный ответ.

– Так и на чем мы? Шутки и комментарии, говоришь...

– Угу, случаются даже смешные...

– В наше время это – нечастое явление. Интересно, послушать.

В эту секунду ее телефон снова настырно завибрировал.

– Да что за люди, извини, – она снова перевела в него свой взгляд. – Ох, быстрее будет решить лично. Так. Чтобы ты не скучал, тебе компанию составит мой новый друг, – она полезла в свой маленький клатч-конверт и достала тонкий чистый блокнотик. – Старый друг, с которым ты уже имел честь познакомиться, сюда бы не поместился. Я буквально на пару минут.

Не успел я ничего сказать, как она повернулась и удаляясь, открыла моему взгляду свою спину, всего на пару мгновений, пока не пропала за стоявшими рядом гостями. Платье сзади украшал глубокий вырез и то, что тем вечером лишь игриво и стеснительно зацепило мой взор теперь предстало во всем своем великолепии. Нательный рисунок, который игриво заходил на ее плечи и шею, на спине обретал и без церемоний демонстрировал все свое могущество. Он овладел всей площадью ее тонкой талии, занимал ее острые лопатки, уверенно обнимал тонкие ребра. Черные длинные пальцы некоего древнего божества, что скрывалось в самых дремучих и гиблых местах, реинкарнировались в чернилах, обрели новую жизнь, вбирали в себя бледную плоть спины. И то что было двумя отдельными элементами двух разных, и противоборствующих миров, хотя и соседствующих, становилось единым целом.

"Неплохо было бы это теперь как-то сносно записать", – подумал я и открыл новехонькой блокнотик. Посмотрел на него с полминуты и подумал, что сначала следует покурить. Думаю, все приличные писатели без ритуала вдыхания табака в качестве обязательной прелюдии никогда за дело не принимались.

Красные линии, нити

Проникают всё глубже, как любовник, как идея, как бог.

Поглощают и вбирают, без цели, без отвращения, без жажды

как расплавленный металл, как огонь. Завладевают судьбой.

Равномерно и поэтапно

Как время они окружают незаметно и тихо

Дабы стать с нами целым, единым, общим созданием, сознанием

И ничто не мешает, в этих нитях нет напряжения. Ничто не сковывает нас.

Это не путы, не цепи, но атлас.

И как бы не стало далеко, это не порвется, не сломается, не сгинет.

И всё что было так далеко будет в крайней степени близко.

К. выплыла из толпы также неожиданно и бесцеремонно, как за несколько минут до этого растворилась в ней. Все время ее отсутствия я был сосредоточен на листочке. Ловким движением она забрала у меня из-под носа свой блокнотик.

– Атлас?

– Атлас, – поправил я.

– Что же весьма недурственно, для пятнадцати минут на шумной вечеринке. Или ты готовился?

– Нет, такого я точно предвидеть не мог.

Её глаза дважды внимательно пробежались по строчкам. По нахмурившемуся лбу мне подумалось, что она хотела что-то сказать, но не могла решить сделать это сейчас или подобрать момент поинтимнее. На эти мгновения ироничная улыбка покинула ее лик. Она перевела взгляд со странички и серьезно посмотрела на меня, затем опять вернулась к написанным словам. Я же изображал спокойствие вернувшись к своему стаканчику. Резким движением руки она оторвала листочек и протянула мне.

– Возьмешь?

– Ох нет, пусть он лучше останется у тебя.

Она еще несколько секунд держала его в руках, но после затем все-таки вложила оторванный листок обратно в блокнотик.

– Ладно, вернемся к этому позже. Мы же все-таки на вечеринке, – ее глаза сверкнули. – Пойдем покажу хоть что здесь происходит, это не то место, чтобы мрачно сидеть у барной стойки. Есть более подходящие, уж поверь мне.

Она взяла меня за руку и повела за собой. И только в тот момент я заметил то, что меня на секунду повергло меня в шок. Красные нити, что были повсеместно, оплетали и проходили сквозь меня, окружавших людей, сквозь предметы, дома, деревья, проникали в каждую трещину и излом – они ее не касались. Слово было какое-то магнитное поле – они лишь обволакивали ее, не проникая, оставались на почтительном расстоянии. Начертанные символы на ее спине оставались единоличным божеством.

– Ты хоть знаешь, куда пришел то? – спросила она вполборота.

– Конечно, это – презентация книги.

– Знаком с автором?

– Только по обложкам в книжном.

– Хм, рекомендовать читать не буду. Все-таки довольно своеобразный материал, не совсем в моем вкусе. Пойдем познакомлю. Не забудь сказать ему что-нибудь приятное, писатели обожают лесть. Несносные дети, но с ее помощью они становятся кроткими и послушными. Удивительная вещь, такие умные люди, но опускают колени перед такой простейшей уловкой. И что особенно забавно, чем сказанные слова подобострастнее, грандиознее и бессовестнее, тем охотнее они им верят.

– Ну все мы страдаем этим. Не только же крупные писатели.

– Твоя правда, – согласилась она.

К. подвела меня к довольно многочисленной и громкой группе людей, стоявших полукругом. Все они, словно планеты разной величины, этим вечером кружились вокруг одной звезды. В роли центра выступал небольшого роста мужчина в щегольском черном костюме. Черные, слегка поредевшие волосы, украшали прожилками седые пряди. Он довольно скованно жестикулировал, как-то неловко, словно своим телом он обзавелся совсем недавно и только учился им пользоваться, и то и дело поправлял очки в тонкой металлической оправе. Он что-то рассказывал с виноватой улыбкой, немного смущаясь, но было очевидно, что он в восторге от такого приема. Окружавшие женщины смотрели на него с восхищением, ловя каж-

дое отпускаемое им слово в позах глубокого почитания и любви, впрочем, как и мужчины. И он, чувствуя себя под светом софитов восторженных глаз все больше и больше входил в роль, которую сам для себя и выбрал. По крайней мере, на этот вечер.

– Ох, моя прелестная К., – он неожиданно прервал свое повествование, обнаружив в однородной стене почитателей мою проводницу. – Что за великолепный вечер! Я так рад видеть Вас.

"Вас". Он произнес это так омерзительно слащаво, что меня передернуло. Стало ясно, что роль себе он подобрал почитаемого писателя начала прошлого тысячелетия, поклоняющегося Искусству, именно с большой буквы. Не какому-то новому, авангардному, живому искусству, а тому самому античному, корнями уходящему в эпосы Гомера и произведения Вергилия Искусству, исторически построенному по канонам трагедий и комедий человеческой жизни, черное и белое, Бог и Дьявол. Искусству, что годами росло, черствело и величественно смотрело из вечности мудрым и понимающим взглядом на человеческие страсти и страдания. Без сомнений, сейчас он считал себя не меньше, чем посланником небес, сеющим на этой грешной и раздираемой ненавистью земле семена мудрого и вечного. Всепрощающий отец и мудрейший из людей, который вправе жестоко наказывать и милостиво прощать. Демиург, всецело убежденный и тем самым убеждающий прочих в объективной истинности своих суждений и наставлений. "Вас", по возрасту она была вдвое моложе него. Яркие молодые и умные девушки всегда пользовались успехом у харизматичных галантных и умных мужчин в возрасте. Впрочем, как и наоборот. Первые жаждут неистовость молодости, живость движений, энергию души и эстетику тела, вторые – мудрость души, харизму движений, поклонение телу и деньги, разумеется. Все ищут, то чего нет в самих.

К. оказала движениями знаки почтения, вышла из толпы и, подойдя к сегодняшнему триумфатору, тепло поцеловала его в щеку. От такого жеста его глаза заискрились просто нечеловеческой энергией.

– Еще раз хотела бы вас поздравить с выходом Вашей новой книги. Уверена ее ждет еще больший успех, чем предыдущие! Критики и пресса в восторге, – она была неподражаема в своей искренности и убедительности.

– Покорнейше благодарю. Книжки, как дети: надеешься, что каждый последующий получится лучше предыдущего. Хотя никаких объективных предпосылок к этому нет. А критики меня уже давно приняли, их мнение для меня далеко не так важно, как ваше, моя дорогая.

Он было потянулся к ней за ответным поцелуем, но К. уже знавшая все тонкости и обычаи светской жизни и ее обитателей, сделала расчетливое и плавное перемещение, как будто невзначай, на секунду переключив внимание, на полшага в сторону и отстранилась ровно на такое расстояние, чтобы движение писателя превратилось в бесцельное, но при этом осталось незамеченным для остальных присутствующих. Высший класс манер и учтивости.

– Позвольте Вам представить молодого писателя. Многообещающ, возможно, в скором времени прогремит и все будут говорить о нем, как о продолжателе Ваших идей, – К. взглянула на меня довольным заговорщицким взглядом и, потянув меня за руку, выставила прямо перед его взором.

– Очень приятно познакомиться с Вами. Для меня это -огромная честь. Я – давний почитатель Вашего таланта, – произнес я экспромтом, стараясь копировать манеру и стиливую мелодию произнесенных этим вечером фраз.

– Не знал, что Вы стали агентом у писателей, – заслуженный литератор машинально пожал мою руку, не удостоив меня ни взглядом, ни дежурным "спасибо". Все его внимание было сконцентрировано на К. – Если так, то я был с огромной радостью стал бы Вашим вечным благодарным подопечным.

– Ну что Вы. Я пока только пробую свои силы на молодых и вроде как подающих надежды, но если получится, то, конечно, для меня будет огромной честью содействовать распространению

нию Вашего слова. Однако, как мы все видим, Ваше нынешнее агентство прекрасно справляется с выполнением своих обязанностей. Полагаю, и они, и Вы в крайней степени довольны сотрудничеством.

– Очаровательна, скромна и умна, – писатель остался доволен таким ответом К. и наконец перевел свой взгляд на меня, – Так что пытаетесь донести что-то миру? Что-то новое или вечные ценности? Могу называть вас "коллега"?

– Пока рановато, – как можно смущеннее сказал я, – пока только пробую голос, руководствуясь наставлениями и стилевыми высотами Вашими и других классиков. – Я спиной почувствовал довольный взгляд К, и продолжил с новой порцией энтузиазма. – Уверен, ваша новая книга окажется выше всяких похвал.

– Спасибо, надеюсь она вам придется по вкусу, – благосклонно произнес литератор, – А как вам предыдущая? Не показалась излишне замысловатой, я постарался как можно глубже капнуть и разобраться в человеческом сознании, разобраться в причинно-следственных связях через поколения семьи.

– Да, да, я прекрасно понял Вашу идею, и она глубоко затронула мою душу. Великолепное произведение, я и смеялся, и плакал, и она, даже можно сказать, изменила мою жизнь.

– Хм, не припомню, чтобы я закладывал юмористическую составляющую, но полагаю, она задела у вас какие-то особенные чувства.

– Да, ведь каждый проживает рассказываемую ему историю через призму собственных переживаний.

– Что же, молодой человек, желаю Вам свершений. Литература – великий вид искусства. Она требует многого, но и много может предложить взамен.

Я не совсем понял, что именно он имел в виду: память и благодарность потомков, вклад в культуру языка и народа или просто деньги и большое количество молоденьких восторженных почитательниц. Наверное, все сразу. Я учтиво опустил голову с благодарной улыбкой, и мы еще раз пожали руки.

К. потянула меня обратно из этого круга. У нее была довольнейшая улыбка.

– Вот видишь, как все просто, им больше ничего и не требуется, кроме восторженных слов похвалы. Хотя ты чуть была не провалился со своим "смеялся, плакал". Хорошо, что он уже столько наслушался за вечер лести, что его внимание к явной иронии заметно притупилось.

– Видимо, я слишком рьяно вошел в роль. С каких пор я, кстати, стал молодым начинающим писателем?

– А ты разве нет? – К. игриво улыбнулась.

– Пока не планировал.

– Ну все может случиться. Не зарекайся. Что же, вроде вечер перевалил за критическую отметку, мой телефон молчит уже пятнадцать минут. Так что теперь спокойно можно поболтать где-нибудь в стороне от этого непрекращающегося водоворота светской жизни. Будь добр, возьми мне что-нибудь в баре на свое усмотрение и встретимся тут через пять минут.

– Прекрасный план, – произнес я и с воодушевлением направился к бару.

Момент, который я пытался мысленно приблизить все эти возмутительно тягучие недели, наконец настал. Никакого конкретного плана у меня не было. Оставалось полагаться на план Б. Мне вспомнился ее взгляд после прочтения моих наспех накиданных строчек. Эта стремительный нервный взгляд, прорвался сквозь баррикады светского официоза и дистанцирования от, по сути, незнакомого ей человека. Словно, сомнение, а вслед за ним и нотки страха пробегают в миг кажущейся потери контроля. На крохотную долю секунды глаза раскрываются чуть шире, но мозг стремительно берет все под контроль и равновесие восстановлено.

Мои мысли двигались хаотично и сменялись с жутчайшей пустотой. Сразу всплыли воспоминания о чувстве пережитом после ее примерно такого же взгляда, но задержавшегося и

тем самым пробравшегося мне под черепную коробку. Какого черта вообще это было? Может просто гормоны смешались под воздействием температурного и алкогольного градуса, что и вызвало такую реакцию. Возможно, сейчас я уже додумываю тот поразительный эффект, приукрашая и добавляя чрезмерную долю символизма. А если это было нечто внечеловеческое? Что-то метафизическое, за пределами понимания и рационального объяснения. И что самое жуткое, почему нити мироздания, кишащие повсюду не затрагивают ее. Как это вообще возможно? Что есть она, что есть они? Как можно это все связать воедино? Да, прекрасный каламбур. В конце концов всегда есть вероятность, что у меня в тот момент временем просто случился микроинсульт.

С такими противоречивыми и безрезультатными размышлениями я таки добрался до барной стойки. Сомнений насчет выбора напитка у меня не было, очевидно, что следует брать то же что и в тот вечер. Дабы опыт был повторен. Бармен был отвлечен на трех миловидных девушек, для которых видимо вечер не задался, и они хотели получить хоть какую-нибудь порцию веселья. Я настойчиво пытался мысленно принудить его обернуться, пытался докричаться сквозь заметно прибавившую в громкости музыку мероприятия, даже дернул за проходившие через него алые нити. Как можно незаметнее, потому что долбанного мима у бара точно никто обслуживать не станет. Окончательно разочаровавшись в этих ловких, но не самых действенных способах, я решил просто протолкаться к нему.

Путь мне преградил до боли до боли знакомый мужчина, который тоже горел желанием сделать заказ. Попытки вспомнить, где я мог его видеть, отвлекли мое внимание. Это оказался телеведущий разговорного ток-шоу из моего сегодняшнего кошмара.

– Я вас видел сегодня во сне, – для чего сказал я.

– Надеюсь, в эротическом? – ответил мне его рот с белоснежной зубами. Было заметно, что мужчина был уже в изрядной кондиции, однако дикция его была безукоризненна.

– Нет, Вы вели свое шоу, в котором подводили итоги подходящего к концу жизненного цикла всей человеческой цивилизации, потому что весь ядерный боезапас мировых держав был уже воздухе.

– И я был хорош?

– Как всегда на высоте.

– Признаться, это – всегда была моей мечтой, да, именно провести свое шоу после настоящей трагедии. Не все эти бытовые ссоры, нерожденные и потерянные дети, и спортивные праздники, и тупые шутки. А самая, блядь, настоящая трагедия, потрясающая основы мироздания. И выйти без подготовки, отмахнуться от гримеров и стать перед камерой, в прямом, мать его эфире, самым, блядь, наипрямешем, раньше президента и произнести слова, которые затронут каждого слышащего. И держаться, и чувствовать переживание огромного количества народа, долбанное единение.

– В моем сне обошлось без трагедии, скорее Вселенская светлая грусть. Но я всей душой желаю, чтобы когда-нибудь Ваша мечта осуществилась.

– Да, надо выпить за это!

На громкий отклик моего нового товарища бармен незамедлительно отозвался. Мы опрокинули по стопке за его светлую мечту. Я заказал две порции джина с кампари и расторопно ретировался с двумя бокалами.

Вернувшись к обозначенному месту, я застал К. именно там, где и предполагалось, что в этот нервный вечер было сродни чуду. Она расположилась на небольшом кожаном черном диванчике в некотором отдалении от окружающей тусовки, хотя такое ощущение складывалось только из-за субъективности и недавней мутации моего восприятия. По существу, все черные диванчики стояли в ряд. Все были одинаковы. На каждом располагалось не более трех человек. Однако, отсутствие алых нитей мироздания рядом с ней выделяло его среди всего. Я уже успел настолько привыкнуть к ним, что полная пустота кажется мне патологичной. Бла-

женная патологическая пустота. Просто фигура расслабленно сидящей девушки. Она закинула ногу на ногу, оголив из-под нескончаемого подола бледную голень. Ее ножка была свободна от чернильного узора. Бледный белый контрапункт к окружающему черному миру. Взгляд ее был рассеян и задумчив.

Я подал ей бокал, и мы молча сделали по глотку.

– Неплохой выбор. Мне нравится. Спасибо, – она прервала свое молчание. – Ну чем занимался, пока я снимала самый идиотский рекламный ролик в мире?

О, моя дорогая. Все изменилось. Все полетело к чертям. Я вижу то, что всегда было скрыто. Я вижу суть. Я чувствую истину. Я переполнен впечатлениями, вопросами, метаниями и догадками. Что это и почему сейчас? Для чего? Как мне поступать? Могу ли я изменить это или подействовать? Открылось ли беспрецедентное пространство для действия, или я всего лишь безвольный свидетель, против своей воли принужденный видеть потаенное безо всякой возможности на что-либо повлиять? И как связана с этим ты? Проводница в некий новый мир или всего лишь одна из мириад частей? Как видится абсолютно не связана и свободна? Видишь ли ты, что вижу я? И наконец, наверное, самое важное: как мне это поведать тебе?

– Да так. Вроде ничего важного не случилось. Расскажи лучше, как съемки прошли?

– Ты и так все знаешь. Вот вроде бы строишь карьеру, растешь как профессионал, набираешь опыта, начинаешь избегать детских ошибок, полагаешь, что уже можешь чувствовать форс-мажоры заранее, но в какой-то момент ты понимаешь, что слишком многое зависит от такого количества случайностей, что ничего предусмотреть заранее нельзя. И ты уже не просто выполняешь свои обязанности, ты буквально сражаешься о всей вселенной. Только твои возможности ограничены, ее же безмерны. Твоя фантазия пытается просчитать все возможные варианты, но ее выдумка безгранична.

– Мне почему-то кажется, что тебе это нравится?

– Пожалуй, хотя, конечно, устаешь от этого.словно маленькое суденышко, выходящее из порта, вроде и маршрут известен, и карты подробны, но случится может все что угодно. Появление Ктулху еще никто не научился исключать полностью. Однако, желание превозмочь и продолжать идти на пределе – отличная черта. По крайней мере, всегда можно узнать что-то новое как о себе, так и об окружающих. Нет более достойного сражения, чем со всеми Вселенной. Никогда не стоит оставаться в порту подолгу.

– А если вокруг шторм? – вставил я, как будто оправдываясь.

– Я сказала, что надо быть смелым, а не идиотом.

После снисходительного взгляда, на мою необдуманную фразу, она по-кошачьи потянулась, пригубила еще из своего бокала и устало помассировала свою тонкую лодыжку.

– Пойдем немного постоим на свежем воздухе. Я за весь вечер ни разу отсюда не выходила, но теперь уже точно можно. Интенсивность мероприятия идет по нисходящей.

Мы оставили бокалы на столике и неспешно побрели к выходу. К. вежливо раздавала мягкие приветственные кивки и вежливые улыбки, встречавшимся нам на пути гостям. Я же как можно незаметнее плелся позади нее.

Когда мы вышли на улицу я не преминул победоносно посмотреть на охранника, но он уже изрядно подустал за вечер и ему было глубоко наплевать на наше негласное противостояние. К. взяла у меня сигарету, подожгла ее и выпустила дым, запрокинув голову.

На улице было все также морозно, до весны еще не скоро. Ее легкая короткая курточка и огромный палантин уступали холоду. К. подошла ближе, прижалась плечом ко мне. На выходе больше никого не было, даже случайных прохожих. Когда мы вышли, даже охранник ушел внутрь помещения погреться.

– Что ты имел в виду в своем стихотворении? – неожиданно она разразилась вопросом, хотя угадывалось, что он давно зародился в ее сознании. Не то чтобы он застал меня врасплох,

я же сам хотел, чтобы он его задала. Но сформулировать верный ответ на него у меня не вышло.

– Хм... Пожалуй, я подумал о взаимосвязях, которые связывает всех людей в этом помещении. Искусство, творчество, успех и идущая с ним под руку неказистая сестрица зависть, долговечная любовь и мимолетная страсть, прочные деловые отношения и ветреные плотские, знакомства новые и старые. Все это незримо завязывает индивидуумов между собой. И что все люди именно в этом помещении крепко переплетены между собой и концентрация, скажем так, этих нитей здесь чрезмерно высока. И думаю, твоя татуировка натолкнула меня на этот ход мыслей.

– Мне понравилось, как ты это изобразил на бумаге. Я всегда чувствовала то же самое, то что люди как бы далеко не разбегались друг от друга всегда будут для вселенной двумя узелками на одной длинной нити. Как в старой японской легенде. Или как в том фильме. Про заряженные частицы.

– Квантовая теория Эйнштейна?

– Возможно...

– Что в легенде, что в теории речь идет о двух элементах, или же символизирующих ими как принято говорить родственные души, о романтизированной связи высшего порядка, пред которой преклоняются люди, жаждут подобную для себя. Я же скорее говорю об индифферентной связях, без какого оттенка чувств или аллюзий на божественный замысел. Это скорее, как регистрационная метка, или как самое дальнее и запылившееся воспоминание в самой глубине подкорки мозга. Ничего прекрасного или воодушевляющего. Просто сухой непререкаемый факт. Вероятно, некоторые из них являются объектом чаяний и чувств, но это лишь случайное совпадение, ничего больше.

– Но это же и делает их еще ценнее. Желание возбуждает, то что редко.

– Пожалуй. Такой рисунок как у тебя на спине тоже встретишь нечасто.

– И что, он возбуждает?

– Я совру, если скажу, что нет.

– Самое забавное, что все началось с маленького браслетика на запястье, – она подвернула рукав, и показала мне чернильную цепочку из крохотных звеньев. из-под рукава к ней подходили и аккуратно самыми кончиками вбирали в себя уверенные флористические линии.

Ее прервал громкий смех небольшой компании, вываливавшейся из дверей заведения. К. вздрогнула от такой неожиданности, обернулась и лишь улыбнулась. Как мне показалось, несколько трагично.

Компания, поравнявшись с нами, громко и задорно попрощалась, их пыл явно не позволит ночи закончиться раньше времени. К. помахала им в ответ.

– Издательский дом в своем самом прекрасном представительстве, – пояснила К. – У них сегодня тоже праздник.

Мы закурили еще по одной. В это время из двери потихоньку начали вытягиваться остальные гости вечера. По виду все были крайне довольны прошедшим мероприятием. Те, кто еще не был доволен в полной мере, пока оставались внутри и старательно уничтожали свое недовольство в бесплатном баре. Тут показался и главный виновник торжества в компании двух немолодых почитательниц. Небрежно набросив свое пальто на плечи и победоносно обнимая каждую из доставшихся ему сегодня трофеев, он словно римский император величественно впускался со входных ступенек. Лавровый венок ему заменяла помятая фетровая шляпа. Поравнявшись с нами, он отвлекся от своих спутниц, еще раз душевно поблагодарил К. за организацию и присутствие на его празднике "ее несравненной особы". К. уже изрядно устала от светской болтовни и тихо принимала комплименты, лишь смущенно улыбаясь. Проводницы литератора из-за его спины злобно сверкали глазами на К. и попеременно дергали его за рукав, театрально жалуясь на холод. Мне заслуженный писатель лишь пожелал творче-

ских успехов на моем поприще. Очень мило с его стороны. Попрошавшись с нами, он накинул пальто обратно на плечи и, обняв подруг, продолжил нетвердое движение. Интересно, что пьянит сильнее: алкоголь или же всеобщее почитание?

– Замечательно. Элвис покинул здание. Теперь и мы можем отправляться.

Мы вернулись обратно, пока К. забирала свои вещи и отдавала последние указания одним и прощания другим, я допил свой бокал. После этого и мы покинули вечернику. К. взяла меня под руку и мы отправились. Вопросы "куда мы идем" никто не задал, потому что это было абсолютно неважно.

По сути наш разговор прервался на полуслове. Ни К., ни я полностью свою мысль не развернули. Никто из нас не решался вернуться к затронутой теме. И мы молча шли по старательно расчищенным тротуарам под вереницей тусклых фонарей. Мы не выбрали конечный пункт, а лишь интуитивно брели на знакомых местах. Было уже довольно поздно и на улице никого не было. Небо было чистое, на нем виднелись звезды, ровно настолько их возможно различить в мегаполисе. Мы плыли вдоль узких улиц, старательно подбирая маршрут, дабы случайно не оказаться около шумной магистрали и тем самым не разрушить нашу смешную молчаливую идиллию. И мы бесшумно брели, ловя наши безмолвные отражения в окнах припаркованных машин. Нити мироздания, оставленные разбежавшимися по своим домам местными жителями и просто спешившими куда-то прохожими, мирно покоились на асфальте, вздрагивая лишь от крохотных дуновений ветерка, случайно забредшего в те же переулочки, что и мы. Я задумчиво шел сквозь них, словно через водоросли на мелководье. Однако, ровно как и те, что остались в клубе, лежавшие под ногами К. красные ленты сторонились ее. В страхе и почтении они расходились в стороны пред ней, и она не могла до них дотронуться, даже случайно.

– Вообще написать книгу – дело нехитрое, – в мертвом городском пейзаже ее голос звучал сродни звукам потустороннего мира. – Как говорил один известный писатель: "Написать роман может каждый, если дать ему шесть недель времени, ручку, бумагу и убрать телефон и жену." Правда о качестве материала он не уточнял.

– Но полагаю, твой друг уже выработал себе необходимые критерии качества.

– Заслуженным писателям сложно сказать что-то поистине новое, они лишь могут обрамлять свой талант, стремясь к совершенству, но блеск его таланта уже всем знаком. Не сомневаюсь, что критики тепло встретят его новую работу. А если одни скажут хорошо, то мало кто может им что-либо противопоставить что-либо. В таких тонких материях, где никто по сути ничего не смыслит, склонны доверять чужому мнению. Это также касается современного искусства и дорогого вина. Хорошо, что есть еще люди, которые решают сами для себя смотреть или не смотреть, пить или нет. Свое собственное мнение во все времена очень ценно. И оно становится еще ценнее, если не стараться его кому-то навязать.

Литература рождается из собственного опыта и впечатлений, и насколько бы она не было бы великолепно произведение, никто не сможет гарантировать, что оно затронет те же нити в другом человеке, что и в тебе. Легко сказать "Чушь", если сам никогда с подобным не сталкивался. Мировой опыт не всегда является расширенной версией с субтитрами твоего собственного. Так удивительно, да? Конечно, можно написать пятисот страничный роман о классических темах таких как любовь, смерть, гуманность и прочие догматах, пока еще не попираемых наукой. Но тут сложно не скатиться в банальность. Главное, хранить свою субъективность как самое ценное что у тебя может быть. Это я тебе говорю как начинающему писателю.

– Я думал, мы выдумали эту легенду, чтобы оправдать мое присутствие на той вечеринке.

– Попрошу тебя не называть вечеринкой. Это – уникальное мероприятие, которое я тщательно организовывала, начиная от непростого выбора каждого гостя, ведущего, программы, заведения, заканчивая тем, что лично попробовала каждую несчастную подаваемую канашку.

Шутит она так или нет, сказать было сложно. Поэтому я извинился с таким же тоном, завуалированной искренности.

– Так ты лично выбирала каждого гостя?

– Тебя же я выбрала. Уверяю тебя, мой дорогой, если бы ты не подходил к мероприятию, оно бы прошло без тебя. Даже несмотря на твои умильные щенячьи глазки и модные ботинки.

– Что же, тогда я весьма признателен и благодарен павшему на меня выбору. Мои щенячьи глазки просто светятся от счастья.

Она встала передо мной, посмотрела в глаза, и мы поцеловались. После этого романтического пит-стопа мы продолжили наше путешествие на край ночи. Идти стало гораздо теплее.

– А ты сама хотела бы написать что-то? Судя по твоим словам, у тебя есть что сказать.

– Я сойду, если скажу, что ни разу об этом не задумывалась. Однако, это точно никогда не было мечтой всей моей жизни. Я преклоняюсь перед талантом рассказчика, и всегда вижу, если у кого-то он действительно есть. Однако же, у меня нет слепой веры в себя. Мои стихи не являются сакральными драгоценными камнями в сокровищнице мировой литературы. Да я и никогда к этому не стремилась. Не видела в этом особого смысла. Возможно я просто не чувствую тот нерв, который необходим для хорошей поэзии. А может просто не амбициозна. Так или иначе, я буду бескрайне рада, если я стану частью таланта кого-либо еще. Все еще не надумал начать литературную карьеру? Что же, тогда возможно мне стоит воспользоваться сегодняшним предложением нашего уважаемого виновника торжества. Не думаю, что будет с ним очень интересно, но хотя бы стану чуть ближе к этому миру.

– Давай договоримся, если начну – ты будешь первая кто об этом узнает.

– Хм, я буду первая кто об этом узнает, гораздо раньше того момента, когда ты напишешь "Глава 1", – она сказала это с такой многозначительностью, что впору было звать оракулов для интерпретации простому смертному божественных смыслов. – Мы пришли.

Я перенес внимание на старый трехэтажный дом. Серый и строгий, украшенный элементами модерна. Узкий холодный готический фасад был украшен витражом, через который была видна широкая лестница. Парадный вход производил впечатление, но стоило отойти на пару шагов в сторону как взгляду открывались боковые стороны дома, лишённые какого-либо декора. На них были произвольно раскинутые окна, которые образовались словно паразиты на гладкой вертикальной поверхности, почувствовав солнечный свет и безнаказанность своего поведения. В эту архитектурную самобытность современные реалии вклинивались огромной зеленой надписью "АПТЕКА", что недвусмысленно намекало о наличии оной в цокольном этаже.

– Красивый дом, – только что и оставалось сказать мне.

– Да, мне тоже понравился. Даже этот зеленый китч стал мне нравиться впоследствии, – она проверила наличие ключей в своей сумочке. – Мне очень понравилось с тобой. Обязательно позвони мне. Вроде никаких экстренных проектов у меня не будет в ближайшее время.

Она еще раз поцеловала меня. На прощание долго и обстоятельно, дабы подтвердить серьезность своих намерений. В ее дурманящем аромате чувствовались нотки еще не выветрившегося алкоголя, что придавало этой зимней ночи еще большее очарование.

Она открыла замок и скрылась за массивной дверью. Взглядом я проследил через витраж как ее черный силуэт под мягким электрическим светом поднялся по ступенькам вверх. Потом на верхнем этаже зажегся свет.

Я остался на улице один. Некоторое время я еще простоял под ее окнами, очарованный ее образом и всеми сегодняшними перипетиями. Отрезвляющее чувство холода вернуло меня на землю резко и без предупреждения, отстраняя все романтические мысли далеко на второй план. Вместе с ним пришло осознание, что никаких что-либо проясняющих ответов я в тот день не получил. То чего я так ждал, на что уповал все это одуряющее долгое время

не случилось. Я почувствовал, что жуткий аморфный образ безвестности уже подбирается по темным пятнам на улицах. Она следует через слепые зоны уличных фонарей, перебирается через скрипы голых раскинувшихся ветвей старых дверей, поджидает за каждым углом, куда я только собираюсь повернуть. И подбирается она не одна. За ней на неразорванной пуповине ковыляет на своих уродливых конечностях ее любимейшее порождение – животное чувство страха. Ощущая кожей их неминуемую близость, я бросился по направлению к своему дому, стараясь выбирать только знакомые и широкие улицы.

За последнее время я выбросил из своего дома все лишнее, что может быть хоть каким образом связано с чем-либо. Все нити из моей комнаты я свел к минимуму. Каждую из них, что тянулась из моей двери, я досконально изучил. Я знал, что кровать, на которой я спал или в большинстве случаев только пытался уснуть, до меня была прибежищем еще двух людей. Молодая пара два года назад переехала в этот город и сняла мою нынешнюю квартирку. На ней они спали, занимались сексом, частенько ели и болтали о будущем, что скоро он получит повышение, а она сможет поставить свое хобби изготовления керамической утвари на коммерческие рельсы. Но однажды вечером он не вернулся, а через два дня к ней пришел полицейский, выразил соболезнования и попросил прийти на опознание. Разумеется, сейчас у меня были новое постельное белье, но каждый раз, ложась спать, я ощущал кожей пропитанную слезами подушку. Если повернуться на бок, я видел эту девушку, разбитую истерическими конвульсиями, слышал ее беззвучный вой. И каждый раз, несмотря на доскональное изучение этих давно прошедших событий, сердце сжималось в комок жалости и отчаяния. Со временем мне удавалось концентрироваться только на моментах их обоюдного счастья, только тогда удавалось уснуть. Но алые нити постоянно пытались вернуть меня именно к трагическому апофеозу, насильно скидывая блаженную пелену временного счастья. Словно говоря: "Смотри, смотри, именно так все и случится. И мы это знаем точно. И ты это знаешь. Смотри." И я смотрел, не в силах отвернуться, от безобразной, но гипнотической картины. И выходя из комнаты, что я делал всегда лишь по необходимости, я закрывал дверь, оставляя эту девушку внутри. Где она теперь я не знаю, смелости увидеть ее мне не хватило, я чувствовал стыд, что не по своей воле стал свидетелем, того что ни в коем случае не должен был видеть.

Характерной особенностью всего этого было, что связанные навечно события никогда не покрывались умиротворяющей патиной забвения. Так же как и линии, которые всегда оставались постоянны в своей фактуре, состоянию и цвету вне зависимости от окружающей обстановки и природных проявлений. Им было абсолютно наплевать на снег или пыль, освещение и тьму. Из-за этой особенности любой случайный контакт с ними оборачивался хоть уже изученной до боли последовательностью событий, но каждый раз моменты разворачивались во всей своей полноте и насыщенности словно в первый раз. События из прошлого, старательно погребенные поведенческим сознанием в самую глубокую и недоступную точку темноты подсознания, вновь ослепительно вспыхивали перед глазами, стоило подпустить к себе какую-то деталь, даже косвенно связанную с ними. И пусть даже это были события не из моего прошлого привыкнуть к ним было невозможно, а как их заглушить я не имел ни малейшего представления.

Единственное что у меня оставалось – это все еще крохотная надежда на К. Хотя я не получил от нее каких-либо ответов или хотя бы подсказок, однако, фактов, полностью опровергающих мои догадки о ее причастности к этому стечению обстоятельств, также не выявилось. Да даже если и так. Она чертовски хороша, с ней все это кажется не таким жутким и безвыходным и, в конце концов, от нее восхитительно пахнет.

Я выждал время, полагаясь чтобы отойти от того насыщенного и наверняка измотавшего ее вечера. Голос ее, несмотря на очевидную занятость, был благодушен. Мы договорились о встрече в кафе следующим вечером.

Я запомнил тот день, тогда был самый ранний закат. Как только я зашел внутрь кафе, солнце окончательно скрылось и повсюду зажглись электрические лампочки. Я пришел пораньше, дабы привыкнуть к атмосфере и внимательно изучить обстановку. Когда за каждой чайной ложкой может прятаться душераздирающая трагедия, а банальный деревянный стул с такой же долей вероятности мог быть участником судьбоменяющего сюрра – поневоле становишься параноиком. Был будний день и в кафе народу было совсем немного. Окружающие разговоры проходили на деликатном уровне громкости, смиренно сливаясь с фоновым стареньким французским шансоном. Интерьер был с претензией, но с задачей создания уюта справлялся успешно. По счастливой случайности столик у окна, который я занял, не успел стать частью ничей жизненной истории. Да и само место было относительно новым. Самым неприятным стал жутко искусственный запах аляповатого букета цветов вперемежку с безмерно мощным флером мужских духов после свидания, которое проходило здесь пару недель назад.

К. как всегда появилась неожиданно. И как всегда эффектно. Она была в темных замшевых ботильонах, на ней был атласный черный комбинезон с тонким поясом и бордовый пиджак. На закрытой груди обосновалась массивная многоуровневая серебряная подвеска. Слегка завитые локоны обрамляли скулы. Встретила она меня прищуренным взглядом, ироничной улыбкой и брошенной фразой: "Хм, кофе?". Мне лишь оставалось молча встать из-за стола и подарить ей цветы. Она смущенно поблагодарила. Официант принес второе меню. К. мелком пробежалась по страницам. И затем взглянула на крохотные часики на правом запястье.

"16:43, – произнесла К. – До пяти вечера я пью только вино, разбавленное напополам водой. Надо ведь соблюдать хоть какие-то нормы приличия".

"Прекрасное правило", – согласился я.

И мы для начала заказали по бокалу.

– Так я и не успела спросить, как тебе понравился торжественный вечер?

– Не сказать, что у меня получилось насладиться им в полной мере. Но в целом довольно занимательно. Много красивых людей. Много известных. Много талантливых. Бесплатный бар. В общем, мне понравилось.

– Не сомневаюсь. Со стороны это производит впечатление. Не зря же все стремятся попасть в эту сферу. Изысканно, дорого, с шиком и блеском. Хотя когда ты возвращаешься в этой среде практически постоянно, то эффект пропадает. Только и видишь, что мелкие недостатки, например неухоженных официанток или заветренные закуски. Следишь чтобы виновники торжества были в восторге от превосходения их ожиданий. Ну и, конечно, не спускаешь глаз с тех, кто ходит по краю черного списка. Хотя что ждать от тех тоже всем давно известно. Странно, что ты проболтался весь вечер практически незамеченным, они обожают интересоваться всем новеньким, такие любопытные пираньи по отношению к затесавшемуся к ним неожиданно свежему мясу.

– Ну виновник торжества гораздо больше внимания уделил тебе, нежели мне.

– Ах наш мэтр, да, ничего плохого про него сказать не могу, достойный человек, с первого знакомства смотрел на меня восторженно, жаль только не может отличить доброжелательную улыбку от лстивой. Но при его заслугах это уже не играет никакой роли. С такой высоты и в таком возрасте трудно различать нюансы.

– А ты способна их отличить?

– Да. Ну или мне нравится думать, что да. Я в общем то никогда не была объектом лстивых улыбок, скорее лишь создавала условия для возникновения оных по отношению к другим. А со стороны всегда виднее. Есть маленькая особенность, которую я заметила: при неискренней улыбке оголяются все зубы, но бессознательно люди больше всего стараются показать свои резцы, а при доброжелательной этого не происходит.

– Правда?

– Нет, конечно. Только что выдумала, – и она доброжелательно улыбнулась. Или просто мне захотелось думать, что доброжелательно.

Потом она продолжила рассказ о перипетиях своей работы, как по началу смущалась и осторожничала, но затем пообтесалась, стала узнаваема и даже почитаема для избранных. Да, именно такой термин она и употребила. Ее пальцы стучали по ножке бокала и разговаривая, она то и дело задумчиво устремляла свой взгляд в окно, но говорить при этом не переставала, и мне приходилось подвигаться ближе, чтобы улавливать слова адресованные мне, но направленные в сторону. После одного из таких поворотов расслышать конец мне не удалось, что ответить я не знал, поэтому повисла тишина. Она вновь повернула голову ко мне. После одного бокала в глазах у нее наряду с огоньками от живой мерцающей улицы, появился ее собственный легкий блеск. Она склонила голову на бок с легкой улыбкой и внимательно посмотрела мне в глаза. Меня же от такого обычного легкого проявления расположения, бросило на грань ужаса. В голове пронеслась ситуация во дворе и сразу же ее последствия, я как-то неестественно дернулся и ошарашено начал искать глазами официанта. Мы заказали еще по бокалу, время прошло и теперь уже можно было пить вино чистым.

– Сегодня без блокнотика? – поинтересовался я.

– Он всегда со мной, но достаю я его, лишь в двух случаях: либо для слов, которые мне нужно непременно озвучить, но ситуация для этого не самая подходящая, либо когда мне откровенно скучно. Очень надеюсь, что сегодня мне не придется к нему обращаться.

Она рассказывала о всяких инцидентах, которые имели место быть в ее карьере, перешучивались на самые странные темы. К. была невероятно очаровательна. В электрическом свете ее изящество благоговейной манной струилось из каждого движения. Ее жесты были квинтэссенцией уверенности, спокойствия и изящества. Чтобы она ни делала: мечтательно всматривалась в блики от лампочек, имитировала нетрезвую речь гостей какого-нибудь из давних мероприятий, корчила иронично-презрительную гримасу, пригубливая вино или просто поправляла волосы – всегда это выглядело так просто, но при том магнетически завораживающе. Порой я ловил себя на мысли, что я не слушаю ее, а просто люблю, словно живым произведением искусства. На этой представленной только мне картине она становилась неким "глазом бури", где под действием давления мироздания алые нити стремились к ней, демонически кружась вокруг нее. Но никогда не прикасались, покорно обтекая ее фигуру.

И эта картина действовала на меня, как ни странно, успокаивающе. На время меня покинула параноидальная бдительность к окружающему миру. Мучившие меня все это время вопросы также покинули мой разум. В самой центре урагана, только и остается что со спокойствием и покорностью ожидать дальнейших развития сюжета.

Люди появлялись в кафе появлялись и исчезали, оставляя за собой свою связи. Меня это мало волновало, я лишь хотел сидеть на том месте, и чтобы К. сидела передо мной как можно дольше. Ход времени я потерял абсолютно. На середине истории, как ей пришлось самой управляться с камерой в последний день съемок где-то в Юго-Восточной Азии из-за того, что в тот день нанятый оператор подхватил лихорадку. К нам подошел официант и с напускной грустью, что заказы больше не принимаются, так как заведение готовится к закрытию. Время перевалила за полночь. Блокнотик она ни разу не достала.

Расплатившись по счету, мы вышли на уже опустевшие улицы. К. невольно поежилась от подступившего холода. Я ее обнял. Немного постояв так вплотную перед закрывшимся за нашими спинами дверью теплого кафе, словно привыкая к новым окружающим условиям, мы выкурили по сигарете. Затем она, приподнявшись на цыпочки, уткнулась своим подбородком в мой и тихо сказала: "Пойдем уже. Холодно. Надеюсь, ты помнишь дорогу?". Я кивнул, и мы снова отправились в путешествие по зимнему городу.

– Так понимаю, ты специально выбрал кафе недалеко от моего дома? – спросила К., прижимаясь к моей руке.

– Честно, нет. Я прочитал о его открытии недавно и просто подумал, что можно заглянуть при случае.

– Действительно симпатичное место. Мне понравилось. К тому же идти, совсем недалеко. Правда, ничего мы так и не попробовали из еды. Но думаю, если она такая же как и вино, то заведение будет процветать.

Идти действительно было недалеко. Всего пара переулков и вот мы оказались у само-бытного готического дома с огромным витражом на лестницу. Надпись "Аптека" все также бесстыдно горела залиvistым зеленым светом, хотя свет от буквы "К" еле заметно подергивался. Мы зашли внутрь единственного подъезда в доме. Поднимаясь за ней по широкой стайной лестнице, я оглянулся назад. Через витраж на улице я увидел, что моя старая знакомая, безвестность вместе со своим уродливым спутником остались на улице. Они смотрели на меня и выжидали, ну а я умиротворенно продолжил подниматься по ступеням. После того как мы зашли, она отправилась на кухню поставить чайник, попутно продолжая рассказывать ту историю про камеру. Я же с любопытством рассматривал ее обитель, которая одновременно служила и спальней, и рабочим кабинетом.

Квартира была будто было создана для того, чтобы быть опубликованной на страницах какого-нибудь дизайнерского журнала. Небольшая, но кажущаяся изнутри гораздо больше из-за высокого потолка, белых окрашенных стен и зеркальной поверхности вдоль дальней стены, за которой скрывались множество ее модных нарядов. О том, что здесь вообще кто-то живет, говорили только стопка раскиданных возле кровати журналов и несколько пустых кружек возле рабочего места. Аккуратно застеленная кровать с кристально белым бельем, педантично расставленные на полках книги, документальные тексты стояли отдельно от художественной литературы и стихотворных сборников. Лапидарное и строгое наполнение, если не брать в расчет несколько маленьких цветков в крошечных керамических горшочках, пару ярких абстрактных картин в рамках на стене, несколько причудливых статуэток, видимо привезенных из какой-нибудь командировки и, конечно, ее саму, вернее ее черный силуэт, который и был самым главным элементом этого интерьера.

Ощущение большого и пустого пространства, даже тотальной стерильности, однако, возникало не только благодаря колористическим решениям интерьера. Я уже настолько привык к открывшей мне сверхреальности, что иногда, отвлекаясь на что-то иное, уже не обращал на нее внимания. Но то, что я мог видеть у нее, было чем-то божественным для меня. У нее в квартире не было связующих нитей. Ни одной. Даже когда мы поднимались по лестнице они были, свисали с перил и тянулись меж пролетов. Но за порог они вместе с нами не заступили. Даже мои собственные, повинувшись некой высшей воли, остались на лестничной площадке. Я выглянул в окно. Снаружи все были привычно для меня, красные капилляры насыщали и были основополагающей частью окружающего мира. Но не здесь, здесь существует только пустота.

– Так вот потом, когда досмотрели материал, мне сказали, что вышло на самом деле весьма недурственно и если мне надоест заниматься своими делами, то место позади камеры меня будет ждать, – К. вошла в комнату с двумя кружками горячего свежесваренного кофе. – Ох, извини, за беспорядок.

– Да перестань, такое положение вещей можно назвать беспорядком только из-за кокетства, – я сделал глоток. Подумал, Удивительный вкус, когда в него не примешано чья-нибудь трагичная история жизни. Я уже отвык от него. Но вслух произнес – Мне нравится твоя квартира.

– Спасибо. Мне тоже, хотя кажется пустоватой. Я пыталась заполнить ее разными предметами, но они быстро надоедают глазу, начинают казаться бессмысленными. И я их выбрасываю или же отдаю кому-нибудь. Вот эти картины мне подарили буквально месяц назад, я помогла в раскрутке и продвижению персональной выставки одного художника. По началу они

мне очень нравились, но теперь кажутся абсолютно безликими. Может подарю кому-нибудь, теперь они стали дороже чем месяц назад.

К. поставила свою кружку на столик и подошла ко мне. Кофе мы допивали потом уже остывшим.

До того момента я мог наблюдать лишь фрагменты ее татуировки на плечах, на шее, на спине. Но той ночью я смог полностью изучить чернильный рисунок, покрывавший ее тело. Начинаясь от острой коленной чашечки левой ноги, скользя по бедру и плавно огибая пухлые ягодички, он занимал всю спину, шел вдоль позвоночника, разрастаясь на лопатки, схватывал ее плечи и острыми окончаниями ограничивал свое влияние на ее предплечьях, оставляя нетронутыми ее тонкие белые пальцы. Со спины, словно появляющаяся из-за горизонта неисчислимая армия, он властно переходил на грудь, но затем ослабевая и растягиваясь, проявлялся лишь намеками, тонкими линиями проходил по ребрам и животу и останавливался в районе солнечного сплетения. Тату была выполнена невероятно искусно, с кропотливым вниманием к деталям. Ни одного повторяющегося движения, никакой симметрии или шаблонности. Изображение было наполнено жизнью, словно если отвернуться, то в ту же секунду произойдут метаморфозы и рисунок изменит свои очертания, увеличит охватываемую им площадь на живом теле или наоборот может отступить и уменьшиться, однако, можно было сказать с уверенностью, то что ему теперь принадлежит, он уже не отпустит никогда. Он представлял собой единое целое, никаких других нанесенных посторонних элементов на ее теле не было. Его сложно было отнести к какой-нибудь определенной стилистике, скорее это напоминало гравюру на полотне из кожи, но при этом никакой графической интерпретации в нем не было, скорее беспощадная реалистичность. Удивительно было то, что когда увидишь такую девушку как К. впервые, то никогда не подумаешь, что под ее одеждой может существовать подобная субстанция.

Мы лежали в темноте. К. повернулась ко мне спиной. Я молча водил пальцем вдоль этих черных линий на ее спине. Начиная с самого низа, я проходил ее нателный лабиринт снова и снова, выбирал другой маршрут и заканчивал каждый раз в новом месте. В очередной раз следования я легонько скользнул пальцем по ее шее и потерял из виду свой путь в ее волосах. Она легонько подернулась от щекотки, и повернулась ко мне.

– Никогда ничего подобного не видел, – озвучил я собственные мысли.

– Полагаю, что вряд ли еще кто решится на подобное, – сказала она, сладко потягиваясь.

– Но ты ведь решилась.

– Но не сразу, разумеется, – она протянула мне к лицу свою правую руку. На правом запястье у нее красовался едва заметный вытатуированный браслетик. Он действительно выглядел как некий зачаток разросшейся живой материи на спине, которая почему-то оставила его в стороне и не вобрала в себя, возможно только пока.

– Все началось, вот с этого. Но потом я почувствовала, что этого недостаточно. И чернила стали планомерно появляться у меня под кожей.

– Недостаточно для чего?

– Для связи. Как в твоём стихотворении с презентацией книги. Помнишь?

Я-то конечно помнил, но она поднялась, нагая добралась до своей сумочки в другом конце комнаты, достала блокнотик и протянула листок с моим почерком. Легла рядом.

– Не хочешь его продолжить?

– Нет, вот этого, я точно не хочу. Расскажи мне лучше, как от маленького браслетика они разрослись до нынешнего состояния?

– Сначала крохотные линии на лопатках, такие нелепые, совсем маленькие, затем все дальше, все длиннее, все извилистей. Оно продолжалось по нарастающей. Я всегда чувствовала эти связи, о которых ты написал. Видела их в людях, пыталась отразить в своих словах. Но что самое печальное, никогда не ощущала себя вовлеченной в них. Пыталась взобраться в

самую суть, опутаться в них, завязнуть, прочувствовать в себе, но всегда оставалась в стороне. Даже сейчас, обзаведясь таким количеством знакомых на разных уровнях и в разных сферах, ставь организатором и значит частью многих проектов, я все равно ощущаю себя посторонней, абсолютно не связанной с чем-либо. Думаю, татуировка появилась как результат противодействия этого жуткого чувства пустоты. Если не подлинник, то хотя бы имитация.

К. лежала на спине, уставившись в потолок. Она подняла руки и, произносив свои слова, выполняла плавные движения запястьями в воздухе, словно иллюстрируя невидимыми образами свой монолог.

Меня пронзила мысль, что это не К. была нужна мне все это время, чтобы получить ответы на вопросы, но все было ровно наоборот. Я был символом и квинтэссенцией того эфемерного мира, к которому ее влекло все время и который она никогда не смогла бы получить.

– Для чего они тебе нужны? Разве без них не проще? – фразы у меня вырвались с заметно посерьезневшим тоном. Но К. не обратила на это никакого внимания.

– Взгляни на эту комнату. В ней живу я. Она пустая. Совсем-совсем пустая. Ничто не может удержаться в ней, как бы я этого не хотела. И это неправильно, абсолютно и бесповоротно неверно. Я пыталась всеми силами, чтобы наполнить ее чем-нибудь. Людьми, предметами, чувствами, но все уходит. Потому что ничто не связано. И дело, как ты понимаешь, не в комнате. Человеку необходимо быть связанным с чем-то или с кем-то, неважно. Разве ты не понимаешь?

– Я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь. Я чувствую эти связи, более того я их вижу. К. нахмурилась. Она приподнялась на руке и взглянула прямо мне в глаза.

– И как они выглядят?

– Это – тончайшие линии, красного цвета. Они связывают всех и вся. Они повсюду.

– Должно быть великолепная картина, – сказала она задумчиво.

– Только с визуальной точки зрения.

– А есть иная? Как они себя ведут?

– Они повествуют. Постоянно. За каждой из них скрывается история и они буквально заставляют ее ощутить. Каждое слово, каждый вздох, каждая эмоция, что они впитали в себя, выплескивается на меня каждый раз. И я вынужден переживать это снова и снова.

– Но разве это не великолепно? Разве это не самое лучшее, что может быть в простом человеческом существовании? – готов поклясться, что в тот момент глаза ее вспыхнули поистине демоническим возбуждением. Ночью в квартире, освещаемой только светом фонарей с улицы и тусклой луны, ее глаза искрились. Пусть за совсем недолгое время знакомства, но я и близко не видел такой степени безумия. При ее наружной размеренности и кошачьей пластике я и представить себе не мог такой одержимости во взгляде. – Оказаться вне пределов человеческого восприятия, возвыситься, ощутить себя наравне с богом. Это ли разве не то, о чем грезили все смертные творцы на протяжении всех веков? Ты с рождения обладаешь этим даром?

– Ровно с того вечера, как мы впервые встретились. Это не дар, это непрекращающийся кошмар.

Последние мои слова она не услышала.

– Невероятно. Я почему-то почувствовала, когда ты впервые обратился, что тебе действительно интересно, что я пишу. Что это не какой-то повод со познакомиться. И получается именно я надела тебя тем, чего всегда была лишена. Все мои стихотворения бессмысленны в них нет жизни, все лишь имитация. Но именно тебе открылось, то о чем я, да и все люди, могли лишь догадываться и мечтать.

Она захлебывалась словами. К. притянулась ко мне и со страстью поцеловала.

– Теперь ты сможешь сотворить нечто величественное, то что потрясет умы. Любой в мире желает иметь это могущество. У тебя есть ключ, открывающий любую душу. С ним ты сможешь возвыситься, обессмертить себя.

– Я не хочу ничего творить, ты не понимаешь. Это – не дар, не божественное провидение, это – чертово проклятие. Оно лишает сна, оно заставляет смотреть, это – не желание, это каторга, видеть, то что не хочешь, ощущать всем телом чудовищное давление, голоса которые никогда не замолкают.

– Конечно, это пугает, но надо подчиниться, покорно следовать за ними, стать одним целым и дать им завладеть собой. Тогда, только тогда ты сможешь вынырнуть из своего страха. Потому что бояться тут нечего. Ты можешь его приручить, интерпретировать, сделать частью себя и тем самым запечатлеть, чтобы все могли проникнуться к тому, что есть у тебя. Наконец, чтобы я поняла, что это, ощутила себя причастной.

– Нет, – я не мог больше лежать. Я поднялся и опустил ноги на пол. Но К. поспешила заключить меня в свои объятия со спины. – Я не хочу подчиняться им, принимать их. Мое единственное желание – это то, чтобы все это прекратилось. Раз и навсегда. Я этого не просил. Мне это не нужно. Я не стану ничего запечатлеть. Я хочу навсегда спрятать эту глубоко внутри и никогда не доставать, забыть.

К. отпрянула от меня. Я оглянулся на нее. Ее глаза еще горели, но в них начало появилось непонимание и обида.

– Как ты можешь так говорить? У тебя в руках невероятные возможности! Ты сможешь стать кем угодно! Умереть тихо и спокойно, ничего не делая – не сложно, но вот сотворить что-то поистине великое – вот что требует сил и смелости! У тебя уже есть нечто экстраординарное, чему любой может только мечтать. И ты хочешь все уничтожить, спрятаться как последний трус?

– Я хочу спокойствие, что было у меня прежде. Мне не нужно. Мне хочется того же мира, что и у всех остальных. Я думал, если началось с тебя, то ты сможешь и покончить со всем этим. Это убивает, я стал чертовым параноиком. Я жалею, что встретил тебя в тот вечер.

К. ничего не сказала. Она лишь смотрела на меня, не моргая.

"Убирайся", – прошептала она. Я оставался недвижим. "Убирайся прочь!", – сказала она громче. Я встал с кровати и оделся. К. оставалась на кровати. Она тяжело дышала и сжимала подушку.

– Послушай, – начал я было, но она посмотрела на меня совершенно обезумевшими глазами, и я понял, что лучше ничего не говорить.

Я молча вышел из ее квартиры, на лестнице было пусто. Я смотрел с ненавистью на красные нити на перилах. Они не стали свидетелями, того что произошло в одной квартире на верхнем этаже. Но им было наплевать. Они были самодостаточны в своей величии, и то что им недоступно – их абсолютно не волнует.

Я вышел на улицу и посмотрел по сторонам. С того момента как я заходил ничего не изменилось, все та же мертвая безмятежность. Я тяжело выдохнул и в этот момент заметил, как сверху спускался, плавно лавируя по воздуху, небольшой кусочек бумаги. Он опустился к моим ногам. Я нагнулся посмотреть на него, бумага была абсолютно чистая. Я отошел чуть в сторону, и увидел К. перед ее окном. Она все еще нагая, освещаемая светом уличных фонарей, рвала белые листы бумаги, и выбрасывала их в открытое окно. Изуродованные клочки бумаги, подхваченные легким зимним ветром, свободно кружились в ночном небе и замертво падали на запорошенный снегом асфальт. На земле уже мертвые они прекращали свой танец и сплошной белой массой сливались с грязным городским снегом, лишь подрагивая от прикосновения ветра. Их было огромное количество и все пустые. Только лишь на одном было что-то написано, я взглянул по ближе и узнал свой почерк. Стихотворение про нити превратилось в ключья, и смешалось с другими пустующими листками.

Ее окно громко захлопнулось. Маленький темный силуэт удалился вглубь комнаты. Я же дождался пока последний пустой клочок бумаги неспешно достигнет земли, взглянул в послед-

ний раз на опустевшее окно и медленно побрел домой. На этот раз никто меня не преследовал, а даже и если, да то мне было абсолютно все равно.

Пока я брел постепенно начинало светать. Под светом восходившего солнца красные нити начинали постепенно блекнуть, буквально растворяясь в мягком утреннем свете. Пока я шел они становились все тусклее.

Проснувшись днем, я понял, что все окончательно изменилось. Их не было. Ни в моей квартире, ни за окном, нигде. Ко мне вернулось прежнее видение, окружающего мира. Я уже отвык от этой картины, свободной от красной паутины. Но я почувствовал себя гораздо лучше.

У меня была идея снова увидеться с К. Но я не нашел в себе силы, чтобы сделать это. Больше всего на свете, я не хотел возвращения того состояния. Я был рад своему неведению и покою. Ее я пару раз замечал на фотографиях со светской хроники, улыбающейся своей очаровательной улыбкой где-то на заднем плане. Она была прекрасна. Но больше она не появлялась, разве что в виде прибывавшегося ветром одинокого белого клочка бумаги.

II

Наконец наступила весна. Время новых начинаний и надежд. Но в тот год пришла совсем не та весна, которую с нетерпением ждут: с распускающимися цветочками, теплым ветерком с юга и улыбчивым солнышком. Заявилась ее уродливая сестрица-близнец. С непрекращающимися дождями, с грязью по колено и ветром, который пронизывал до самых костей. День без хмурых туч и дождя воспринимался как подарок небес. Но стоило на секунду расслабиться под ласковыми лучами, как сразу же по лицу начинал хлестать мерзкий холодный ливень. В общем, да, дрянное выдалось время года.

Как раз в один из типичных для той весны дней, я пытался безуспешно бежать от стихии, лавируя по тротуарам между потоками воды. У меня неплохо получалось ровно до того момента, пока я, поскользнувшись, не грохнулся в огромную лужу. Сидя в ней, я осознал, как же я ненавижу и все эти лужи, и предательские тротуары, и погоду, и весь этот чертов город. Надо было как можно скорее скрыться где-нибудь, чтобы спокойно высохнуть и может быть придумать скорейший план побега куда-нибудь в теплые края. На мою удачу, метрах в пятидесяти впереди слабо мигала неоновая вывеска. Под ней располагался некий старенький бар. По одному взгляду можно было понять, что он видел времена получше. Но на уровень престижа заведения в тот момент мне было наплевать, главное: чтобы внутри не было дождя.

В гардеробе полная женщина в возрасте, увидев, что одежду на мне можно выжимать, наотрез отказалась принимать плащ, но сделала это мягко и с сочувствием. Растроганный, но все такой же мокрый, я зашел в основной зал. Обшарпанность места можно было почувствовать даже с закрытыми глазами. Небольшое серое пространство, украшенное подыхающими неоновыми вставками в качестве декора и откальвающейся штукатуркой как дополнение к ним. Освещение было очень тусклым, однако в лучах света можно было разглядеть висевшую в воздухе трагичную пыль. У дальней стены размещалось возвышение для сцены. Возможно, раньше здесь был неплохой караоке-бар, пользовавшийся популярностью у местных. Сейчас же тут было не больше десяти человек, включая персонал. Я выбрал один из свободных столиков, повесил мокрый плащ на спинку облезлого стула и стал без интереса разглядывать расплывшееся от пролитого алкоголя старое меню. На сцене сидел косматый молодой человек с гитарой и фальшиво вытягивал высокие ноты. То ли он играл свое собственное произведение, то ли что-то известное, получалось все настолько отвратно, что разобрать отдельные аккорды и слова было невозможно. Да и аппаратура в заведении была под стать остальному уровню. Песня закончилась, я похлопал вместе с еще парой людей. Паренек сказал: "Спасибо" и затащил следующую мелодию.

– У нас сегодня музыкальный вечер непризнанных гениев. Два пива – минимум.

Я оглянулся, возле меня появилась девушка. Она была небольшого роста, в джинсах и черной обтягивающей блузке с закатанными рукавами. У нее была бледная кожа, пухлые губки и русые волосы средней длины. Мне особенно запомнился ее носик, с маленькой аристократической горбинкой. И если присмотреться, на нем еще крохотный шрам, старательно, хоть и не идеально, запрятанный под слоем тонального крема.

Маленький бейджик на правой груди кратко гласил: "П."

Непризнанный гений на сцене продолжал свое выступление. Он как раз добрался до того момента, когда забавное переходит в жалкое.

– Думаете, оно того стоит?

– На данный момент, дождь еще не прекратился. Так что особого выбора у тебя нет.

Я подчинился року судьбы, и она удалилась за барную стойку. Чтобы занять хоть чем-нибудь занять себя, я начал пытаться различить слова и мелодию, заодно, загибая пальцы под столом каждый раз, когда паренек на сцене откровенно лажал. Перебирая струны, он заметно нервничал, что передавалось и на вокал. К концу композиции все пальцы у меня были загнуты и нормально поплодировать не получилось. Видимо, остальные делали то же, что и я, ибо с последним аккордом в зале повисла неприятная тишина. Ее спустя несколько тяжелых секунд прервал приободряющий оклик П. Обрадованный исполнитель выразил в микрофон персональную благодарность и предупредил, что следующая его песня будет последней на сегодня и она еще не окончена, но ему непременно хочется ее сыграть нам. Никто ему помешать не смог, и он начал следующую композицию, как две капли воды похожую на предыдущую.

П. принесла два кружки и стремительно удалилась. Я лишь успел сказать ей в спину "Спасибо". Она не обернулась. Я сделал пару глотков. Пиво было паршивое, как и все остальное в тот вечер.

Парень закончил выступление и начал неспешно собираться. Я подумал, что неплохо было что-нибудь перекусить. Прошерстил глазами вокруг, П. нигде не было. Оставалось только послушно пить безвкусное пиво и ждать следующего артиста.

Неожиданно свет задрожал в конвульсиях и погас. Даже многовековые неоновые вставки поддались наступившему мраку. Какое-то время ничего не происходило. Во тьме слышались лишь редкие шорохи вперемешку с отдельными словами шепотом. Я подумал, что как только починят свет, то я сразу же свалю оттуда, плевать если дождь все еще не прекратился. В полной темноте вкусовое восприятие обострилось и пошло из потертой пивной кружки стало совсем невыносимым.

Раздался женский голос. Без музыки, только лишь электрический гул аппаратуры как сопровождении. Она пела тихо и нежно, будто молитву или колыбельную. Звук окутывал пространство, которое без зрительных ориентиров казалось бесконечным. Тьма и тихий пронзительный голос. Она произносила слова с легким придыханием. Отрывисто, стараясь бережно донести каждое из них и поселить их глубоко в душе любого, кто мог слышать.

Вспыхнувший синий луч прожектора прорезал тьму, вырвав из мрака лицо П. Она стояла на сцене. Глаза ее были устремлены на свет. Она продолжала петь. Тело было неподвижно, ее глаза не моргали. Только губы были в движении, высвобождая строчку за строчкой. В волосы были вплетены три темно-бордовые розы. На ее лице черной краской была изображена повязка на глазах. Блузку сменило темно-синее закрытое платье, свободными драпировками стекавшее вниз.

Вступила ударная секция и одновременно зажглись еще пара проекторов, которые показали, что на сцене есть и другие музыканты. Главную роль взяла на себя гитара, П. на шаг отошла от микрофона. Стоя с закрытыми глазами, она сливалась с музыкой, каждая нота отражалась на ее лице, в движениях. Ее сценическая метаморфоза так поразила меня, что я никак не мог вслушаться в музыку. Гипнотический, с размеренным битом электрический звук покорно ложился под ее голос. Она дрейфовала на нотах. Как только музыка остановилась

П. замерла. Ритм-секция заменяла ей удары сердца. Хотя скорее наоборот. Сердце диктовало ритм.

Пятисекундная тишина и звук ударной волной обрушился на сидящих в зале. Следующая песня была явно написана в другом настроении. Словно в припадке звериного гнева, П. затрясло и она закричала в микрофон. Плавность и созерцательность сменила ярость. Она даже не пела, она кричала, требовала. Но при всем этом выступление не перешло в грязный панк-манифест. Мелодичность оставалось, но приобретала какое-то демоническое воплощение. П. бросало по маленькой сцене, было видно, что ей не хватает места, она металась словно в клетке. Она пыталась контролировать себя, чтобы в припадке не разнести все вокруг. Остальные музыканты отошли и прижались к стене. П. притягивала к себе микрофон, проводила пальцами по стойке и сжимала ее между показавших из-под полов платья бедер. Она погрузилась в транс. Была только музыка и она. Больше ничего значения не имело. Не думаю, что что-то могло вывести ее из этого состояния, за исключением, возможно, коды. По окончании второй композиции П. поднялась, под аплодисменты всех, кто был в зале, бросила дежурное "Спасибо" и движением руки дала начало следующей.

Длинная и тягучая композиция была сродни ее платью. Среди длинных монотонных темно-синих атласных складок, образывавших целую бесконечную композицию, мелькала призраком ее бледная кожа. Так и густой плотный темный звук был всего лишь антуражем для ее голоса. Аритмичная, неудобная и своевольная композиция с мелким, на первый взгляд, хаотичным вкраплением нюансов. П. все повторяла и повторяла припев, меняя высоты. Она оставалась на сцене примерно до середины песни. Пропев свои последние строчки, она вышла из света прожекторов, оставив четырех музыкантов на сцене справляться с мелодией. Доведя песню до логического конца, они поклонились публике и также скрылись за сцену.

Когда их выступление закончилось, свет в зале вернул прежнюю степень яркости, а гости вернулись ко своим разговорам. Я же оставался под невероятным впечатлением. Всего три песни. Идеальная смесь лиричности, агрессии, визуальной и аудио составляющей. И ведь они даже не представились.

Прожекторы заиграли яркими теплыми цветами и на сцене появились парень с гитарой и девушка с тамбурином. Вместе они начали играть веселую, простую и жизнеутверждающую песенку. Это привнесло ощутимый диссонанс с чувствами после группы П. Но зато они отвлекли от раздумий, и я вспомнил, что у меня еще полторы кружки пива. Пока П. был на сцене я к нему даже не притронулся.

Я заметил, как из двери, ведущей в гримерки или может куда-то в подсобные помещения, появилась П. Она снова была в черной блузке, джинсах и с хвостиком на затылке. Я следил за ней от двери до барной стойки. Видимо почувствовав на себе мой любопытный взгляд, она подошла и забрала со стола пустую кружку.

– Может быть еще чего-нибудь? – спросила П. На ее лице все еще были капельки пота и дыхание не вернулось к спокойному ритму.

– Великолепное выступление.

– Спасибо. Меню могу забрать?

– Да, конечно, – я немного растерялся.

Она забрала меню и удалилась в сторону бара. "Ну ладно, – подумал я, – в любом случае, она подойдет за счетом." Плащ еще не высох, потому я со спокойной совестью остался сидеть на стуле и цедить жидкое пиво. Я почувствовал голод, но просить ее принести что-нибудь съестное у нее мне не хотелось. Да и было подозрение, что в этом месте ничего есть не следует.

Музыканты группы П. прошли через зал с убранными в кейсы инструменты. Они перебросились с ней парой слов, обнялись на прощание и покинули здание. П. осталась присматривать за пустыми тарелками и бокалами.

На сцене в тот вечер появлялась несколько команд: после оптимистичного фолк-дуэта на сцене появились группа со скрипкой, контрабасом и беременной вокалисткой. Было удивительно наблюдать, как чуть ли не всем залом ее аккуратно провожали на сцену, усаживали на синтезатор, а после выступления таким же образом тихонечко уводили в гримерку. Но она вместе с товарищами справилась на удивление прекрасно. Бойко отыграли несколько цепляющих песен в стиле кабаре. Конечно, если бы она разродилась на сцене, то такой перфоманс точно перечеркнул бы выступление П. Но хвала небесам, нам всем крупно повезло в тот вечер.

Заведение потихоньку наполнялся людьми. За П. стало труднее следить вполглаза. Сидячие места все были заняты, от моего столика забрали оба свободных стула. Люди уже начинали выстраиваться по стеночкам и перед сценой. Теперь ей приходилось гораздо больше двигаться по залу, даже несмотря на то, что большинство посетителей ограничивались только выпивкой. Но она каждый раз улучала минутку, чтобы в сторонке тепло перекинуться парой слов с каждым из выступавших.

Последними в тот вечер на сцене появилось трио гаражных рокеров с маленькой, но голо-систой девчушкой на вокале. На местных хедлайнеров пришло посмотреть довольно приличное количество людей. Мой столик пришлось убрать, чтобы освободить больше места перед сценой. Поэтому мне с моим полстаканом выдохшегося пива ничего не оставалось, как занять место среди стоячей публики. Стоит отдать им должное выступили они мощно, громко и грязно. Последнее в хорошем смысле слова. С танцами, руганью, слэмом, оголенной грудью и драйвом. Публика была довольна, за исключением, одной девушки, в которую прилетел брошенный вокалисткой со сцены пустой бокал. Она схватилась за голову, по щеке побежала кровь. П. стремительно растолкала всех, вытащила бедняжку из толпы и отвела ее в уборную, а зрители как ни в чем не бывало продолжили свой праздник жизни.

Когда группа закончила играть, все потянулись к выходу. Дождь ненадолго прекратился и на улице образовалась маленькая тусовка. В основном, публику представляли молодые люди с альтернативным ходом мысли, но была и парочка затесавшихся седых рокеров со стажем. Уже основательно пьяные, они рассказывали о том, какие были подпольные концерты во времена их молодости. Молодежь слушала, весельчаки не упускали возможности издевательски подкалывать и зубоскалить от собственных острот. Но старые волки пропускали беззубый сарказм мимо ушей и с душевной теплотой продолжали вещать. После пары сигарет люди начали рассасываться кто куда. А я вернулся в помещение, взглянуть на П., ну и расплатиться. Судя по вывеске снаружи, заведение закрывалось через двадцать минут. Внутри уборщицы уже приступили к своей работе. Все стулья в заведении один за одним оказывались перевернутыми вверх ножками. П. была за барной стойкой, протирала стаканы. Напротив нее еще оставались, видимо, самые преданные любители музыки. Она кивала с поджатыми губами и общим выражением лица недвусмысленно намекающим, чтобы они уже свалили. Я довольно недружелюбно вклинился между ними.

– Я хотел бы попросить счет.

– Благородно, – ответила П. и отправилась в сторону кассы. Я уже подготовил оплаты на пару купюр больше в качестве чаевых. Она взяла банкноты, пересчитала и вопросительно взглянула на меня. Я кивнул ей, что все верно. "Благодарю», – бросила П. положив необходимую часть денег в кассу. а остальное – себе в задний карман. После этого она вышла за дверь, отделявшие служебные комнаты. Оставались только я, два любителя музыки, неспешно решавшие, куда идти дальше, да и уборщица, которая уже завершала свой ежевечерний ритуал. Не самая веселая компания. Немного помявшись, я вышел на улицу. Снаружи опять зарядил мерзкий дождь. Оставшись под навесом, я закурил. Минуту спустя вышли оба чувака с бара. Они стрельнули у меня по сигарете и ушли под ливень. Я стоял один, спешить мне особенно было некуда. Дождь, словно чувствуя безнаказанность, даже не думал прекращаться.

Спустя несколько минут из дверей появилась П. Она взглянула на небо и скорчила гримасу отвращения. Достала зонт и уже готова была выдвигаться, но тут заметила меня в стороне.

– Ждешь кого?

– Угу, сухости.

– Ладно, пойдем. У меня есть зонт.

Она передала зонт мне, и мы быстро отправились вниз по улице, при этом стараясь аккуратно лавировать между луж. Дожливый вечер в городе выглядит весьма сюрреалистично. Размытые огни преломляются в каплях дождя, отражаются в лужах, краски искажаются при ломке зеркальных поверхностей. Выглядит завораживающее, еще бы не было так мерзко холодно.

– Так понял, тебя зовут П.?

– Да, форма мне досталась от предыдущей официантки, но вот бейджик безраздельно мной.

– Мне понравилось ваше выступление, – опять повторился я.

– Спасибо, но, по-моему, звук был ни к черту, – ответила П., даже не улыбнувшись.

– Хм, ну вроде я все слышал.

– В прошлый раз было лучше, а сегодня взяли и подогнали все специально для этих панков в конце вечера. Им то по хрен, ударные да гитара, и чтоб погромче. Но вот лично мне – этого мало. Еще хорошо, что я работаю там, в противном случае вообще бы сплошное месиво из звуков. Да и что за мода такая бросаться в людей всяким дерьмом? Возомнили о себе хрен пойми что.

– А с той девушкой что?

– Нормально все. С истерикой минут пятнадцать останавливали кровь бумажным полотенцем. Но швы накладывать не придется. Она успокоилась, когда поняла, что ее миленькому личику ничего не грозит. Потом закинула пару стопок на баре за счет заведения. А по окончании еще и ушла в объятиях гитариста. Долбаный рок-н-ролл во плоти.

– Хорошо. Главное, что шоу удалось.

– Она сегодня трахнется с гитаристом более-менее известной группы. Вот что главное.

Увлечшись своим гневным монологом, П. на полном ходу угодила по самую щиколотку в лужу. Громко выругавшись, она продолжила путь. Маленький потрепанный тряпичный кед полностью впитал в себя воду и теперь смешно хлюпал при каждом шаге.

– Да еб твою мать, – не сдержалась П. после пятидесяти метров старательного игнорирования своего положения и протяжно выдохнула. – Ты спешишь?

– Не.

– Тогда теперь моя очередь сохнуть. Я знаю место, тут недалеко.

Мы повернули в ближайший переулок. Фонари в нем горели из рук вон плохо, и отличить, куда можно наступать, а куда нет было решительно невозможно. Но П. было уже абсолютно наплевать, она шла вперед с решительностью маленького танка. Я едва успевал следом, чтобы держать над ней зонт. Ритмичный хлюпающий звук придавал ее гневной решительности умильный оттенок. От этого она раздражалась еще больше. На наше счастье место, про которое она говорила, действительно оказалось совсем рядом.

Оно было совсем маленькое. Даже я бы сказал, крохотное. Если предыдущее место было похоже на постаревшую морщинистую диву, давно потерявшую свою красоту и славу, но тем не менее старательно прихорашивающуюся при визите гостей, в память о прежних временах, то это было сродни старой билетерши в том концертном зале, где когда-то выступала дива. Она родилась страшненькой и прожила всю жизнь без потрясений и изысков. Совершенно ординарная, но по-домашнему родная и к тому же помнящая множество веселых историй.

П. поприветствовала знакомого бармена и заказала нам две порции виски. Я уселся за столиком в углу возле батареи. Она расположилась напротив меня, сняла промокшую обувь и белый носочек с невезучей ноги и придвинула их вплотную к батарее. Бармен принес два стакана. Я хотел еще спросить, что-нибудь поесть, но кухня была уже закрыта, поэтому пришлось довольствоваться пачкой арахиса.

П. подняла свой бокал в воздух.

– Какой дерьмовый день, давай чтобы таких было поменьше.

Я молча кивнул, и мы стукнулись стаканами. П. сделал большой глоток виски, слегка поморщилась, закинула орешек в рот и принялась задумчиво жевать.

– Люблю маленькие заведения. Так гораздо уютнее. В этом городе их днем с огнем не сыщешь. Тут все только думают, что о прибыли, рвут задницы, чтобы нарастить количество гостей и площадь, чтобы всех-всех-всех усадить. И все стает на конвейер. Гораздо приятнее, когда есть маленькие заведения, куда всегда можно зная, что будут свободные места, недорогая выпивка и хорошая музыка. И не будет всяких уродов, падких на все новое и блестящее.

– Аминь!

– Мы тут даже выступали как-то давно.

– Разве тут можно где-то выступить?

– С акустической программой, разумеется. Было человек пятьдесят, здесь это под завязку. Играли за ужин как самые настоящие музыканты. Было здорово. С тех пор меня тут любят, и всегда обслуживают бесплатно. А вот тебе придется за себя заплатить.

– Не могу представить песни, что я сегодня слышал, в акустике.

– Ну были другие. Знаешь, если ты написал песню, и не можешь ее сыграть на одном инструменте, то дерьмовая это песня. Я таких стараюсь не писать.

– То есть у тебя все песни первоклассные?

– Если бы. Иногда что-то делаешь, смотришь в процессе – вроде ничего выходит, а потом смотришь в конце и видишь, что такая хрень получилась. Иногда самой за себя стыдно. И ведь ничего не исправить. Я это к тому, что к своему творчеству надо стараться относиться скептически.

– Получается?

– Не знаю, не мне судить. Я-то могу думать все что угодно. Возомнить себя самой крутой вокалисткой всех времен и народов. Но это ничего не будет значить. Искусство – это когда пытаешься донести что-то, потому что тебе кажется, будто ты понимаешь во всем этом чуть больше, чем все остальные, а вот настоящее искусство – это когда так и оказывается на самом деле.

Она еще пригубила из стакана. Я последовал ее примеру. Видно было, как недовольные морщинки на ее лбу, вызванные не самым удачным вечером, постепенно исчезали под комбинированным действием двух типов тепла: из радиатора и бутылки.

– А как ваша группа то называется? – спросил я давно назревший у меня вопрос. – Программки мероприятия я так и не нашел. Даже не запомнил, как заведение называется.

– Блин, мы как-то еще не придумали ничего нормального, хотя столько времени уже вместе играем. Я думаю, что вполне логично было бы увязать с моим именем. Что-то вроде "П. и команда" или "Прекрасная П." Я думаю, это вполне заслуженно, но все остальные почему-то считают меня самовлюбленной сволочью.

– А это не так?

– Гордыня – не самый мой любимый грех. Но выходить на сцену совсем без амбиций в высшей степени тупо.

– И как протекает ваша музыкальная карьера?

– Ну как видишь, стадионы еще не собираем, но чувствую мы уже совсем близки.

Она залпом допила стакан и позвала бармена для повторения. Я сделал то же самое. И еще пачку орешков, само собой.

Она рассказывала про кумиров детства, конечно же, это были крутые девушки с гитарами, как родители подарили ей первую инструмент, про первые попытки писания музыки, как проходил поиск единомышленников, ну и как со всем этим, музыка проникла вглубь и становилась неотъемлемой частью ее жизни.

– Мы по началу играли всякую жесть, прям совсем, я тогда еще была совсем юная с полной головой идиотских и веселых мыслей. Знаешь, исследования показывают, что детишки, которые предпочитают рок-музыку, в целом умнее ровесников, которым нравится реп или поп? Это греет мне душу. Ну и тогда я была одной из таких. С адской прической, нелепыми шмотками и взглядом, жадным до всего. У нас была веселая тусовка: я, моя лучшая подруга и мой лучший друг, ну и куча друзей похуже. Прекрасное было время. Наивное, – устремив взгляд в прошлое, П., улыбаясь, жевала орешек. – Музыка тогда не играла главенствующую роль. Скорее была результатом того сумасшедшего брожения юных и неокрепших умов. У нас было ебанутое, в хорошем смысле, творческое объединение и результатом могло быть все что угодно: песня, скетч и, не побоюсь этого слова, перфоманс. И мы все вместе были одним общим нескончаемым генератором идей, пусть в большинстве бредовых и абсурдных, зато крутых.

Это потом все усложнилось. Естественный ход вещей. Никто не остается на 20-ти летней ступени развития. Появляется работа, ответственность, серьезность, любовные интересы, рутина будней потихоньку начинает пожирать. Вот и мы повзрослели. На место наивности пришла искушенность. Вместе с ней и жизненный опыт. Неожиданно прошлые темы, хоть и все еще, теплые сердцу перестали волновать и будоражить в той же мере. Вот где-то на этой ступени мы и разругались вдрызг. Серьезно и надолго. Но сейчас уже помирились. Моя подруга некоторое время продолжала заниматься музыкой. Немного в другой стилистике. Эротический фанк – если можно так выразиться. Я ходила к ней на концерты, она была крута. Ну а потом один раз она улетела в бессрочный отпуск в другую страну. Звезды и полосы так сложились, что она там и осталась. Теперь счастлива замужем и наслаждается спокойной жизнью. Мой друг тоже отошел от экспрессии, углубился в религию своего исторического народа. И теперь частенько пересказывает мне древние сказания. Любопытно, хотя и занудно, если честно. Ну а я осталась тут одна, нашла музыкантов и продолжаю стараться что-то сочинять. У каждого своя жизнь, но мы стараемся поддерживать теплые отношения даже на расстоянии. И все мы уже совершенно другие сейчас, и в общем-то все довольны свои нынешним положением, но бывает так хочется, выйти на сцену и просто кричать что-нибудь совершенно несвязное про сырое мясо и инцест или сыграть соло на стиральной доске. В этом я была просто неподражаема!

П. совершила несколько странных движений в воздухе, изображая свое умение играть на стиральной доске. Звучало, мягко говоря, причудливо, пара нот буквально вгрызлось в уши, скрежеща острыми флажками по барабанной перепонке, но остальные очень даже складывать в некую авангардную мелодию. После пары пассажей она опустила руки, и с довольной улыбкой уставилась на меня. Я с такой же довольной миной смотрел на нее. Набирались мы незаметно, но стремительно. Осознал я это, когда мы подняли вверх очередные бокалы, разумеется, за музыку. Плотная убранный чёлка П. теперь по-свойски падала на ее лицо, волоски потемнели на два тона от выступивших на лбу капелек пота. Нетвердым движением руки она каждый раз пыталась вернуть ее на место, но та настойчиво возвращалась обратно. Глаза были полузакрыты, зрачки расширены. Взгляд выражал полное умиротворение. Она нестройно покачивалась в такт музыки. В баре звучал старый добрый рок-н-ролл, вечные композиции, которые отлично подходят для езды с погашенными фарами по безлюдному шоссе.

Я взглянул на свое отражение в металлической подставке под салфетки. Мое внешнее состояние представлял практически точную копию П. Полнейшую безмятежность и маленькое местечковое счастье от недолгих теплых мгновений. П. выдала пару несвязных фраз, кото-

рые я пытался, но так и не смог расслышать. Трижды. Оставив попытки, я извинился и отошел умыться. Она проводила меня широкой ерничающей улыбкой с искренними ямочками на щеках. Готов покланяться, что я отсутствовал не более пяти минут.

Когда я вернулся картину безмятежности будто стремительно заменили на ее уродливый негатив. Вместо беззаботных гимнов юности звучал вязкий и темный эмбиент. Саундтрек, подходящий для визуализации мыслей самого невеселого из пациентов психиатрической лечебницы. Теплый электрический свет уступил место холодному дряблему излучению. Я стоял в полной прострации, пока не увидел П. Она сидела на том же месте, подпирая голову двумя руками. Тонкие дрожащие пальцы вплетались в волосы. Взгляд был направлен в стол. Я сел на свое место. Она подняла на меня взгляд, но посмотрела сквозь. Губы дрогнули в попытки улыбнуться, но она оказалась тщетной. На столе стояли новые порции виски. Но пить уже не хотелось. В воздухе повисло давящее аморфное чувство неуютности окружения. Стены помещения выталкивали нас изнутри, словно утроба чужеродный плод. Я сказал ей, что пора идти. Она безвольно кивнула. Я позвал бармена. Вместо добродушного бородатого здоровяка, который был все это время за стойкой и частенько смешно подпевал звучащим через колонки песням, к нам подошел угрюмый жирный немой уродливый бородач с кривыми татуировками на лице и небрежно бросил чек на стол. Я оставил наличные, взял П. под руку, и мы медленно поплелись к выходу. Как только мы вышли за порог, дверь за нами в скважине бездушным металлическим лязгом повернулся ключ.

Дождь уже закончился, однако, теперь на улице вместо ожидаемого чувства вечерней свежести нас окутала тяжелая душная пелена темноты. Было уже за полночь. Заведения вокруг закрыли свои двери, а случайно задержавшиеся прохожие неслись по улице, стараясь как можно быстрее спастись от эфемерной угрозы в иллюзорной безопасности своих домашних стен. Мы же явно проигрывали им своих скоростных возможностях, и они нетерпеливо обгоняли нас по проезжей части или просто нахально отталкивали. П. шла, вцепившись мне в руку. Из ее тихой нечленораздельной речи мне лишь удалось понять, что ей надо доехать переночевать куда-то за город к подруге, и что все в принципе неплохо и что она рада, что познакомилась со мной. Ей надо было сесть сначала на трамвай, мне было примерно по пути.

Вдалеке прогремел нужный нам трамвай. Мы хотели было ускорить шаг, но у нас ничего не вышло. Неуклюже лавируя между лужами, мы с опозданием дошли до остановки. Трамвай скрылся за углом, на прощание издевательски издав для нас свою трель. Благо электронное табло гласило, что скоро подойдет следующий.

Мы уселись на пустой остановке. П. не отпускала ни на минуту мою руку. Чувство же удушливости подкатывало к горлу, проникая все глубже, и к ней вдобавок присоединилась отчетливая неуютная музыка. Та композиция, что играла в баре, когда мы уходили. Мерзкой пиявкой она засела в голове, и поскольку окружающий мир транслировал лишь безразличную тишину, каждая ее утробная нота звучала в ушах с кристальной чистотой. Все пять органов чувств передавали самые гнетущие ощущения в подкорку. Шестое, что некоторые называют интуицией, тоже не подсказывало мне ничего хорошего.

На секунду П. ослабила свою мертвую хватку, чтобы переместиться на противоположный край скамейки. Ее вырвало. Она достала из сумочки бумажный платочек, повернулась ко мне и с довольной улыбкой произнесла: «Теперь все вообще хорошо». Она вернулась на прежнее место, вновь ухватила мою руку, и спустя пару минут начала тихонько посапывать. Трамвай все не шел. Благо на улице стало немного посвежее. Иногда действительно становилось хорошо, когда в наш томный закаулок случайно забредал кратковременный летний бриз. Но затем опять приближалась духота со свойственной ей настойчивостью. Я успел пару раз покурить.

Наконец, вдалеке показался трамвай. Он неспешно подбирался к нам, прорезая двумя маленькими круглыми фарами крошечную темноту.

Я тихонько растолкал П. Она уже успела погрузиться в сладкую дремоту и пару секунд приходила в себя с решительно ничего непонимающим выражением оглядываясь вокруг. Старый трамвай остановился напротив нас и с неприятным металлическим визгом открыл дверцы. Мы сели на соседние сиденья. П. затребовала место у окна, хотя ни разу в него не посмотрела. Перед тем, как вновь закрыть глаза, она лишь неуверенно спросила, потупив глаза: «Можно поехать к тебе?». В таком состоянии ее точно не следовало отпускать куда-то одну, отправляться вместе с ней куда-то черт знает куда за город у меня тоже желания не было. Потому я поступил как честный человек и ответил: «Можно». Она поблагодарила и вернулась на прежнее место на моем плече.

В трамвае помимо нас была еще несколько путешественников. Неряшливые силуэты сидели поодиночке на разных сиденьях. По сути, из всех кто едет в общественном транспорте после полуночи можно выделить три главных архетипа. Представители первого немощно опускают голову в нетрезвом забытьи, второго – индифферентно смотрят в окно на пробегающие огни, растворяясь собственным я в окружающей вязкой медитативной обстановке, третьего же – просто смотрят перед собой, сосредоточенно блуждая в собственных мыслях о насущном. Им плевать на окружающую среду, для них в ночном путешествии нет ни капли хоть сколько бы ты ни было заслуживающего внимания. Просто необходимость, продиктованная не самой комфортным социальным положением. Мы с П. были яркими представителями первых двух. Другие пассажиры хаотичным набором всех трех. Собираемые все вместе одной вместительной стальной машиной, каждый из представителей одного типа с явным пренебрежением относится к остальным. В первую очередь из-за невозможности понять и тем самым разделить состояние и внутреннее мироощущение других. Такой вот транспортный шовинизм. Но поскольку выбора особого нет, то приходится невольно мириться с таким соседством. Это уже трамвайный мультикультурализм. И единственное, что всех нас объединяет – это конечность нашего вынужденного общего пути. У кого-то раньше, у кого-то позже. Все в жизни. Такая вот заурядная электро-рельсовая философия.

Мы вышли на одну остановку раньше, чтобы немного проветриться. Первый вдох уличного воздуха на месте назначения обернулся свидетельством тщетности бытия. После получасовой передышки в вагоне с кондиционером мы вновь оказались в липких лапах духоты. Тяжкой густой материей она обрушилась сверху, или скорее вязкой патокой облекла лицо и тело, заполняя своей массой освободившиеся было пространство легких, как только мы спустились со ступенек. По всей видимости, она следовала за нами следом, уцепившись за хвост трамвая. Помимо прочего вновь оказавшись в исконной тишине, с новой силой вспыхнула эта навязчивая мелодия из бара. Разве что теперь мозг забавы ради решил привнести ее в виде сэмплов стандартные транспортные объявления, звучавшие в салоне. До дома было еще двадцать минут пешком.

Чтобы отвлечься от тошнотворного состояния и перестать ощущать каждую вновь появляющуюся капельку пота на теле, я попытался растормошить П. После моего положительного ответа на ее просьбу она не проронила ни слова. Да и вообще, когда ведешь пьяную и уставшую девушку в первый раз ночевать к себе домой неплохо завести непринужденную насколько возможно беседу.

– Довольно душно сегодня, – сказал я перед собой, не поворачивая головы.

Она подняла на меня прищуренные глаза, словно оценивая настолько ли важна эта фраза, чтобы на нее как-то отвечать.

– Согласна, – все-таки решила произнести П.

– Как-то даже не просто душно. А прямо тошнотворно.

– Это что ли как у того французского философа?

– Вероятно. Только я не помню, какое у него описывалось время года.

– Не важно. Его ведь брала тошнота внутренняя. А тебя, видимо, доконали высокая влажность и пиво с вискарем. Если честно, никогда не могла понять, почему это произведение считается таким неимоверно крутым. Чувака ни с того, ни с сего перестал видеть смысл в жизни и периодически страдает от панических атак. И всю книгу бродит по городу и занимается самоанализом. Из совершенно обыденную историю сделали мировой вехой. Я с таким тошнотворным настроением просыпаюсь через день, но не бросаюсь же сразу писать экзистенциальный роман.

– А песню?

– Хм, ну может быть. Только все равно, как по мне, это – не лучшая тема. Культивирование образа отчужденного странника в мире плоских людей. Я такой один непохожий, никто не может меня понять. Бла-бла-бла. Лучше оставить это для подростков в черном... Все равно мы все похожи. И считать, что ты лучше или хуже других, только потому что тебе так подумалось – полнейших идиотизм.

Видно, было как ее зацепила эта тема. От ее умиротворенной сонливости не осталось и следа. Хотя четкость произносимых слов оставляла желать лучшего, но запал был неиссякаем: «А так и правда душно. Потею как сволочь. Фу. У тебя есть душ дома?»

– Конечно.

– Отлично. Еще бы выцепить где пару холодного пива, и я буду самой довольной девочкой в мире!

– Думаешь, это хорошая идея?

– Других у меня не бывает, – бросила она безразлично и полезла копаться в сумку в поисках пачки сигарет.

– Хорошо, Ваше величество. Будет исполнено.

Мы заглянули в ближайший подвальный магазинчик, где взяли несколько банок пива и еще какой-то ерунды перекусить, несмотря на то, что П. держалась на ногах из последних сил.

Героически преодолевая изнуренность, мы-таки добрались до моей квартиры. П. скинула ботинки и сразу отправилась на кухню. В помещении было не лучше, потому ничего не оставалось, как усесться у открытого окна, достать маленький вентилятор и открыть пиво.

Наша беседа, как и ожидалось, была не особенно захватывающей. П. лениво потягивала по глотку, отвечала односложно, убаюкивая растягивала слова, глаза ее закрывались. Ну а я лишь смиренно наблюдал за этой безмятежной картиной. Спустя где-то полчаса, когда она сигаретой случайно прижгла себе запястье во время неконтролируемого сладкого зевка, она очнулась и решительно направилась в ванную. Я остался на своем месте. Из ванны послышался шум воды, потом какой-то грохот и ругательства. «Все нормально?» – спросил я через дверь. «Угу, просто адски неудобно тут все стоит» – ответила мне П. Я вернулся на месте, рассудив, что для полного наполнения ванны водой необходимо где-то минут десять, так что до этого времени она вряд ли успеет утонуть.

Пока она принимала душ, на улице заморосил легкий приятный дождь. С улицы потянула такой желанной прохладой и общее самочувствие улучшилось. Получившийся стереоэффект от розового шума воды с двух сторон заглушил назойливую музыку внутри черепной коробки. А редкие капли дождя, которые долетали до меня из открытого окна приносили игривость в этот томительный поздний вечер. Так я и сидел перед открытым окном, наслаждаясь и впитывая кожей всю прохладу, неожиданно дарованную свыше.

Шум воды внутри квартиры прекратился, послушались звуки движений. Еще немного возни. Распахнулась дверь, и совершенно нагая П. в темноте направилась напрямик ко мне в комнату. Идти за ней я не решился, и лишь проверил, что она успела снести в ванной комнате. Потом вернулся на свое место на кухне. Благо, алкоголь и сигареты еще оставались.

Даже сейчас помню это завораживающий в своем успокоении, отрешенности и полноценности состояние. Настроение прекрасной созерцательности. Нечасто получается его поймать.

Но чтобы это сделать, достаточно на секунды перестать куда бежать, к чему-то стремиться, оставить без внимания свербящее чувство неудовлетворенности. Изолироваться от всех людей, факторов и желаний. Нет чувства голода, нет сонливости, нет похоти, нет жажды, нет усталости, нет зависти, нет любопытства, нет ненависти, нет презрения, нет любви, нет ничего. Просто сидеть возле открытого окна, вдыхать наконец-то свежий воздух, смотреть на нечистые горящие окна, прислушиваться к ненавязчивому шуму города или дворовых котлов, предаваться размышлениям, насущным и не очень, изредка ухмыляясь своим умозаключениям, курить, подперев подбородок рукой, а когда горло от пересыхает от сигаретного дыма лениво делать глоток остывшего пива. Будничная мирская нирвана.

Полного просветления я достичь не успел, поскольку пиво и сигареты закончились. Да и усталость все-таки давала о себе знать. Я отправился в комнату и залез под одеяло. П. даже не шелохнулась, тревожить ее мыслями у меня не было.

Я проснулся, когда начинало светать, от бесцеремонных ворочаний П. Увидев, что я открыл глаза, она задорно сказала: «Привет!»

– Привет, – ответил я несколько настороженно

– Как самочувствие?

– У меня то неплохо, в общем. Сама-то как?

– Очень и очень хорошо. Весело вчера было.

– Да уж.

– А почему я голая?

– Ты принимала душ. А потом так сразу направились в кровать.

– То есть ничего не было?

– Ну была, конечно, идея. Но когда я увидел, как ты задорно похрапываешь в мертвецком состоянии, то идея прошла.

– Ну и хорошо. Признаться, не очень-то я была рада, если бы я проснулась от того, что в меня тыкают черти чем.

– Понимаю.

– Адски хочется есть.

– Остались орешки. И еще есть паста, правда позавчерашняя.

– Сойдет. А есть у тебя во что одеться приличной девушке?

Я дал ей свою старую футболку и отправился на кухню разогреть в микроволновке пасту. Приличная девушка съела только половину. Потом еще снисходительно смотрела на меня, пока я доедал свою порцию. Мы вернулись в кровать. П. сразу же заснула, а я еще долго лежал с открытыми глазами.

Мы проснулись после полудня. Утро прошло абсолютно спокойно. Если честно, уже хотелось, как можно быстрее избавиться от нее. Мы выпили кофе за разговорами о музыке и культуре. Она рассказывала что-то о фильмах и последних новостях. Мне было не очень интересно, я слушал вполуха и изредка поддакивал. Затем проводил ее до остановки, она чмокнула меня на прощание и уехала.

Не то чтобы это было каким-то запоминающимся и не забываемым приключением. Нет, просто необычное стечение обстоятельств. Не каждый вечер я разрешаю спать в своей кровати кому попало. Причем именно, что просто спать. П. мне показалось интересной девушкой, но продолжать знакомство с ней я не стремился. Было в ней что-то магнетическое, но при этом нечто некомфортное одновременно.

После того случая мы время от времени обменивались сообщениями. Она с охотой делилась деталями и опытом создания музыки, процесса который для меня всегда был загадкой. Еще обсуждали какие-нибудь известные группы и альбомы. П. показывала, что нравится ей, я в ответ посылал мои. Пересечений практически не было. Но, благодаря ей, мне удалось открыть

несколько довольно интересных имен. За исключением музыки общих тем практически и не было.

П., окончательно убедившись, что у меня был не самый плохой вкус, и что я лестно отзывался об ее музыке не для того, чтобы залезть к ней под юбку, сообщила, что через пару дней с концертом будут выступать ее хорошие друзья, и я могу тоже подойти.

Мы договорились встретиться вечером. Тогда снова шел сильный ливень. Когда я добрался до назначенного места, она стояла под навесом, уставившись в свой телефон. Зонта ни у кого не было, потому мы бегом направились к заведению.

На ней была та же одежда, что и неделю назад. В такую погоду дырявые кеды не оставляют право на ошибку, поэтому движения ее слалома были верны и отточены. Я шел по ее следам. Место, куда мы направлялись, было где-то во дворах и совершенно мне не знакомое. У входа стояли два чувака, которые встретили ее приветственными объятьями, они перебрались парой приветственных слов, П. представила меня, те безразлично кивнули и мы зашли внутрь. Заведение, как и ожидалось, было под стать предыдущим, небольшое и основательно постаревшее. Разве что выцветшая краска на стенах отличалась. В данном случае она была красная. Удивительно, что все новые заведения стараются быть непохожими на других, но стареют они все одинаково. Хотя, стоит отметить, это только придает им дополнительный шарм. Если, конечно, вы способны находить очарование в скрипучих дверях и потускневших зеркалах. В гардеробе висели афиши незнакомых мне исполнителей. Хотя П. обратила мое внимание, но одну из них и настоятельно рекомендовала ознакомиться, но я все равно не запомнил. Мы зашли внутрь. Внутри была вытянутая барная стойка, которая протянулась на все заведение. В самом конце располагалась сцена, на которой молодые люди в одежде стилизованную под викторианскую эпоху подключали провода. Всего народу было немного и по всей видимости все они были знакомы с друг другом. Группа, на выступление которых пригласила меня П., была та самая панк-кабаре с беременной вокалисткой с первого вечера. Она сидела в углу со стаканчиком минеральной воды с лимоном, пока ее партнеры таскали тяжелые инструменты и расставляли по местам усилители. На ней было старомодное темно-бордовое платье в полосу со шнуровкой на спине, по краям украшенное потускневшим кружевом, и черные замшевые ботильоны с серебряными носами. На округлившемся животе была грубо вшитая вставка из похожего материала. На шее висел массивный аляповатый кулон с черными увесистыми камнями. В кудрях красовалась миниатюрная черная шляпка на булавке с вуалью, кокетливо закрывавшей половину лица. Макияж был броский с густо подведенными глазами и синими тенями на веках. П. подошла к ней, ее подруга с трудом приподнялась, и они тепло поцеловали друг друга. П. жестом показала мне подойти.

– Приятно познакомиться, – сказал я, – видел ваше выступление на прошлой неделе. Хочется выразить вам свое восхищение. А как вообще на сцене в таком положении?

– Ты что ли об этих засранцах? – она самодовольно погладила себя по животу, – это совсем не сложно. Я же все равно за синтом сижу на табурете. Один из них порой даже притоптывает в такт, что не может не радовать. Правда, второй переворачивается постоянно. Видимо, не любит мою музыку. Не страшно, как появится – отдам его в приют. А если серьезно, то гораздо сложнее было найти приличное платье, в которое я могла бы поместиться.

– Смотрится очень клево, – заметила П. – Отличного выступления. Мы вон за тем столиком.

Мы с П. разместились с краю от сцены, она попросила заказать ей светлого пива. Себе я взял такого же. Как только я вернулся с двумя кружками за наш столик, общий свет в зале поубавили, включили фиолетовые проекторы. Музыканты тихо встали по своим местам в темноте. На авансцену вышли два человека: очень высокий молодой худой человек с черным цилиндром и длиннущем пиджаке на голое тело, а также маленькая плотная девушка в белом

гриме. Они поклонились публике, поприветствовали на сегодняшнем концерте и со словами: «И помните, что мы все умрем!» уступили месте музыкантам.

– Пфф, я и так помню об этом каждый божий день, – сварливо прокомментировала П., – на кой черт надо напоминать?!

Вступил игривый ритм в лице ударных и контрабаса. Затем вместе с ударом по клавишам вступила вокалистка. Голос у нее был раскатистый, высокий. На припеве вступила скрипка. Композиция была громко напористая и хаотично веселая. Народ в зале задвигался. П. заерзала под такт на стуле. После завершения песни снова вышла парочка самопровозглашенных шпрыхштальмейстеров и разыграла веселую кафкианскую сценку с яблоком в качестве реквизита. Так они и сменялись парочка странных мимов ведущих и музыкальные выступления. К сожалению, из-за паршивого звука слова песен были слабо различимы. Но энергетика группы была потрясающая.

После одной из песен длинный парень вышел перед сценой на руках. Его пиджак и борода задралась и падали на лицо. Он был без штанов и член безжизненно свисал по направлению к полу.

– О, я знаю эту сценку, это надолго, – П. недовольно поморщилась. – Можем спокойно покурить.

Она залпом допила оставшееся пиво и потащила меня к выходу. На улице, несмотря на вроде как установившееся теплое время года, было довольно зябко.

Мы стояли вдвоем в сторонке, двое чуваков все также были у входа. Видимо, они и не заходили внутрь.

– А как ты познакомилась с этими ребятами?

– Да как обычно. Мы вместе выступали пару лет назад в какой-то дыре, еще молодые и зеленые. Место было совсем отвратное, какая-то бывшая промзона, типа андерграунд фест, с какими-то пьяными панками в зале, которым плевать на музыку, лишь бы послэмиться да поорать. Но мы просто хотели выступать на сцене. Если на чистоту, мы то и играть то нормально не умели, так что хорошо вписывались. Ну и вот, уже после выступления, разговорились, они понравились нам, мы им. Вот такая любовь. Даже сделали пару совместных работ. Хорошие ребята. Сценки эти мне не совсем по душе, но они предпочитают такой подход.

На улицу вывалилось еще пару посетителей. Видимо, перфоманс действительно был не самый впечатляющий. Я вспомнил, что захватил с собой небольшую бутылочку дешевого вискаря. И аккуратно предложил П. Она с воодушевлением согласилась, заодно угощая всех своих знакомых, которые вываливались на улицу. На такую наживку собралась небольшая компашка. По разговорам практически все они были музыкантами разной степени профессиональности, кто-то этим зарабатывал и жил, кто-то просто оставлял как маленькую спасительную лазейку для души после обыденного дня в офисе. Однако, их всех объединяла некая доброжелательность и улыбочивость. Со стороны они выглядели как большая семья. Они собрались вокруг П., каждый пытался отвлечь на себя ее внимание, рассказывая шутки или истории, и заодно приложиться к маленькой бутылочке. В итоге у выхода оказалось больше людей, чем внутри. Но как только зазвучали первые ноты следующей песни, все как один сделали по последней затяжке и направились обратно внутрь.

Когда мы проходили через коридор П. дернула меня за рукав и потянула к старой фотобудке. Мы успели пару нормальных фоток, парочку кривляющихся. Пока внутрь не залезло еще пять человек, проходивших с улицы. Меня сплющило о боковую стенку. П. громко смеялась и шуточно ругалась. Все общим скопом с трудом вылезли из будки и начали рассматривать получившиеся фотографии. Меня было видно лишь на первой половине снимков, потом мое лицо полностью закрыло толстой задницей в синих джинсах с цепочкой на ремне. П. широко улыбалась, она настояла оставить фотографии у себя. Мы вернулись на место, и она положила их к себе в рюкзачок.

Шоу на сцене продолжалось по нарастающей. Разудалое панк-кабаре набирало в громкости и экспрессии. Веселье, шум, разнузданность и, конечно, декаданс во всем своем могуществе. Все зрители вышли к сцене и слились в общем танце. П. то и дело вытягивала меня, но я через несколько минут каждый раз возвращался на место. В конце концов, она махнула рукой и растворилась в толпе. Я лишь неспешно потягивал из своей кружки и наблюдал за ней. Большинство девушек танцуют изящно и эстетично, в особенности, когда понимают, что на них смотрят. А среднестатистическая красивая девушка уверена, что на нее постоянно кто-нибудь да смотрит. Поэтому ее движения всегда отточено эротичны. Она не допускает погрешностей. Ее платье всегда подчеркивает фигуру, а волосы уложены именно так как необходимо. При малейшем недочете внешнего вида она тут же удаляется в уборную на косметический пит-стоп, и только исправив все малейшие прорехи во внешнем виде, возвращается под всеобщее внимание площадку. П. была наплевать смотрят на нее или нет, есть кто рядом или она одна в комнате. Она закрывала глаза и двигалась, инстинктивно, без оглядки на окружение. Ее волосы растрепались, а на подмышках выступили темные пятна. Она просто наслаждалась музыкой.

После пары шумных песен она, слегка подустав, решила сделать небольшой перерыв. П. успела сделать лишь пару глотков появившегося нового пива как со сцены вокалистка объявила, что в зале сейчас находится очень хорошая подруга группы и что она была бы счастлива наконец представить достопочтенной публике их совместное творчество.

П. поперхнулась, по ее округлившимся глазам было件нятно, что это не было спланировано заранее. Она суматошно поправила прическу и отправилась на сцену. Специально для П. вынесли микрофонную стойку, но микрофон не работал. Пока она вертелась, переговариваясь с музыкантами и техниками, ей устроили небольшую овацию. П. смущенно улыбнулась. Наконец, микрофон включили.

– Раз... Раз... Отлично. Спасибо, спасибо. Угу, вы все меня любите, да-да, я знаю. Все – мои фанаты. Хотя мы вот совсем недавно играли тут по соседству и что-то большинство из вас я там не видела. Ладно. Я как-то даже не собиралась выходить сегодня, но действительно мы готовили одну песню и видимо даже сыграем ее сейчас. Я же правильно понимаю, что мы ее играем? Да? Славно. Потому что слов других я не помню. Ладно. Если понравится, купите мне что-нибудь в баре.

Кабаре девушка с силой ударила по клавишам. За секундную паузу открывающий минорный аккорд успел срезонировать от каждой существовавшей в зале поверхности, впитал в себя темную атмосферу, алкогольные пары от полупустых бокалов, тусклый свет, отражающийся от блесток в макияже и проник в ушные раковины каждого, кто находился внутри. По сравнению со настроениями предыдущими песен, он прозвучал слишком грубо, слишком нахально и неуместно. Словно, считавшийся давно погибшим солдат появился на свадьбе забывшей его подруги юности. Никто не проронил ни слова.

Пальцы начали перебирать по клавишам. Мелодия наполнила зал. С лица П. ушла сценическая напускная улыбка. Она слушала ноты. Обе девушки вступили одновременно. П. начала чуть тише, голос вокалистки в начале ее затмевал. Он выделялся силой и чистотой, но П. брала пластичностью. Она с легкостью улавливала малейшие перепады мелодии и подбирала нужные интонации. Судя по виду, делала это интуитивно и не задумываясь. Глаза ее смотрели то в зал, то куда-то в бок на сцену, пытаясь глазами что-то передать музыкальному технику. Лицо было недовольно-сосредоточенное. Две поющие девушки органично дополняли друг друга. Но буквально через минуту все изменилось. П. безраздельно завладела вниманием окружающих. Она стояла на сцене, небольшого роста, смешная, в потертых черных джинсах и бесформенной толстовке с Даффи Даком на груди. По сравнению с другими участниками она выглядела совершенно посторонним предметом на сцене. И так бы они и допели эту грустную песню, но только голос разогрелся. И она почувствовала это, она закрыла глаза. Ее подруга перестала петь и сосредоточилась на игре на клавишах, лишь иногда вторя эхом на заднем плане, гораздо

тише, чем в самом начале. Песня была о погибшей любви, и П. взяла на себя роль героини. Она просто взяла и забрала всех слушающих и слышащих ее с собой в мир, где краски безвозвратно мрачнеют, где единственный свет сверху, заменяющий и солнце, и бога, и саму жизнь неумолимо гаснет. Где лишь топкая темнота и бесконечные зацикленные мысли, от которых невозможно избавиться. Она тащила всех вниз с холодной беспощадностью, заставляя каждого прочувствовать все то, что чувствует в этот момент она. В помещении стало гораздо холоднее, бармен не понимая, что происходит, проверил открыта ли входная дверь. Люди, чувствуя холод, но не осознавая его происхождение, просто попытались стать ближе друг к другу. Никто не танцевал, даже не двигался. В зале те, кто во время предыдущих композиций разговаривали между собой, пытаясь переорать музыку, с непонятной для них самих сосредоточенностью слушали, лишь беззвучно выдыхая теплый пар. Как и все остальные. П. пела. Скорбь проникла в помещение. Лампочки стали гореть тусклее, словно каждую из обернули в траурную вуаль. Пространство за сценой стало проваливаться вглубь, так что расстояние между музыкантами на крохотной сцене увеличилось метров до десяти. Музыканты, физически отдалившись от света, оказались в тени. От ярких облачений остались лишь темные силуэты. П. оставалась на самом краю перед зрителями, глаза она не открывала. Два стареньких прожектора были направлены на сцену. Но она не отражала свет, он пропадал в ней.

С последними ноты она открыла глаза и посмотрела на слушателей. Повисла неестественная тишина. Зрители только смотрели, приподняв голову, на нее. И только после того, как она немного смутившись произнесла в микрофон: «Ну, все равно спасибо» посыпались первые хлопки, которые переросли в полноценные аплодисменты.

Под них П. и вернулась ко мне за столик.

– Мне понравилось, – сказал я. – Я куплю тебе что-нибудь в баре.

– Отлично! Значит артист не зря старался.

Бармену тоже очень понравилось, да так, что помимо двух заказанных пинт, он поставил нам еще две стопки лучшего (из тех, что были в наличии) виски и пообещал ставить еще до конца вечера. П. эта новость крайне воодушевила. «Наконец-то, творчество дает плоды! Долгожданное признание!» И с этими словами она опрокинула свою стопку. Я последовал ее примеру. Было заметно, что ее немного трясет после выступления.

Бар вновь наполнился задиристыми кабарешными мелодиями. Зрители потихоньку пришли в себя и зашевелились. Вновь послышался хохот и звон бокалов. А мы с П. снова выбрались на улицу. На сей раз вдвоем. На улице она продолжала проглатывать окружающий свет, от звезд и от уличных фонарей. Но уже с меньшей силой. Лицо все еще было напряжено, и ее еще потряхивало, но явно не от холода. Ее тонкие пальчики с обгрызенными ногтями вертели и мяли зажжённую сигарету. Затяжки выходили дерганными.

– Это твоя песня или совместное творчество?

– Изначально, моя. Смешно, но я написала ее по укурке. Я даже ходить в тот вечер не могла нормально, но с гитарой сладила. И даже что-то записала на диктофон. На следующее утро послушала, вроде что-то интересное выходит. Записала получше. Ну и потом общими усилиями, прописали аранжировку. Вроде получилось недурно. Что скажешь?

– Скажу, что – отличная песня получилась.

– Аминь!

Выступление группы закончилось и заиграла обычная фоновая музыка. Мы с П. переместились за большой стол в углу с диваном и остаток вечера провели напиваясь. Вскоре к нам присоединились все ее друзья. И те, что были на сцене, и те что были в зале. Даже работники заведения подсаживались к нам, поскольку других клиентов в тот вечер особенно не было. Так как я был не из компании, то большую часть времени приходилось только слушать. Было много смешных и не очень тематических баек про рвущиеся во время выступления струны, тошноту на сцене, и зрителей, которые не понимали куда они пришли. П. была возбуждена,

ей нравилось и внимание, которое ей уделяли, и общее настроение за столом. Потом, конечно, принесли акустическую гитару и хором пели всем известные песни.

Спустя пару часов, ближе к середине ночи все стали потихоньку расходиться. Ко времени когда ее беременная подруга покинула нас, мы были уже основательно набравшиеся и сонные. П. показала зевком и сонно-пристальным взглядом, что пора и мы ушли. Добрались до меня на такси. Когда я ее в ту ночь впервые поцеловал, она сказала: «Ну наконец-то!».

Я начал встречать ее после репетиций. На них самих я не присутствовал, П. недвусмысленно дала понять, что мне там было делать нечего. Я и не возражал. Порой я заходил к ней на работу под конец смены. Вид у нее был жутко уставший, но меня она встречала с неподдельной искренней улыбкой. Хотя и мимолетной. Она угощала меня чем-нибудь из бара, потом угощалась сама, делилась в двух словах, как прошел день, и мы отправлялись в путь. Маршрут был всегда разный, но заканчивался всегда в одном и том же месте. У меня дома. Пока мы шли она рассказывала обо всем подряд. Например, что звуки можно визуализировать как краски: отдельные ноты дают капли цвета, словно легкие прикосновения кистью, а целые аккорды – выглядят, как густые мазки всевозможных цветов: например, минорные уходили в цвет индиго разной степени насыщенности, а доминантные – в оранжевый. Таким образом, она всегда может понять, что мелодия получилась, если визуальная картина представляет гармоничной. Еще мы говорили о ленточных червях, что, если развесить их на деревьях, они будут развиваться словно атласные ленточки, об аутоэротической асфиксии, апартеиде, гениальности определенных поколений, грязи, историческом угнетении женщин, азиатских триллерах, зависти в музыкальной среде, проблемах лесбиянок, эмиграции, английском юморе, боге, сексе под наркотиками и прочей всячине разной смысловой нагрузки. У П. на все было свое собственное мнение.

Но весело и легко было далеко не каждый раз. Иногда П. встречала меня, мягко скажем, не в благодушном настрое. Она бросала безэмоциональное «Привет», наливала мне стаканчик чего-нибудь и отправлялась заканчивать свои дела. От моей помощи она отказывалась, и я был вынужден лишь наблюдать за ней со своего места в уголке. Она поднимала стулья вверх ножками и водружала их на столы, но даже со стороны читалось – что она еле сдерживается, чтобы не размозжить эти стулья в щепки и не сжечь весь бар дотла. В первый раз, как я стал свидетелем такого состояния – я подумал, что может это я чем-то оплошал, вызвав тем самым подобную раздражительность. Попытался узнать, у нее в чем дело, но она лишь отмахивалась. Мои вопросы, как дела на работе или в группе, вызывали у нее только раздражение. Я замолкал, она заканчивалась приготовления к закрытию, опрокидывала стопку, смотрела на меня исподлобья, и мы молча ехали домой. Казалось, что одно неловкое движение или слово могло привести к вспышке безумия. Она тянула эту наэлектризованную атмосферу за собой. Не только мне передавалось это тяжелое тошнотворное чувство, но и всему вокруг. Весь город, до этого выступавший лишь как декорации, безучастный и серый, в эти вечера становился одной нескончаемо длинной дорогой до дома, наполненной тревогой и подозрениями. Вкрадывалось недвусмысленное чувство, что мне здесь не рады и лучше было бы как можно быстрее сбежать. Вот только бежать было некуда. Я с неподдельной тревогой внутри старался вести себя как можно осмотрительнее, инстинктивно оглядываясь по сторонам. П. просто шла вперед, со взглядом устремленным куда-то за видимые мне горизонты. В самый первый раз я попробовал ее развеселить, за что был сразу наказан локальной вспышкой ярости. После этого я оставил все попытки стабилизировать ее состояние. Просто дождался, когда все придет в норму. Иногда мне везло, и в середине пути она могла меня нежно поцеловать. В других случаях мы все также молча поднимались в мою квартиру и проводили утомительный и тягучий вечер наедине.

Такие перепады невозможно было предугадать заранее. Они хоть и были редки, но всегда оставляли довольно неприятное ощущение. Поэтому я каждый раз готовился к худшему,

ожидая ее на улице после репетиции или же открывая двери ее заведения за пару минут до закрытия. Если она встречала меня с улыбкой, то я считал это чуть ли не подарком небес. Хотя это не значило, что в течение вечера, ее настроение не изменится диаметрально. Самое гадкое, что я никак не мог вычислить механизм, от чего она из милой девушки могла превратиться в жестокую фурию, буквально по щелчку пальцев. И пока причина не появлялась, я предпочитал не придавать этому большого значения. Все-таки у любого человека всегда найдется уйма поводов пребывать в дурном настроении.

Примерно в то же время я познакомился с ее друзьями музыкантами. Поскольку я так за всю жизнь и не научился играть на каком-либо музыкальном инструменте, я всегда оставался немного в стороне от общей волны этой компании. Хотя встречали они меня каждый раз радушно и о моем недостатке тактично умалчивали. Что было очень мило с их стороны. Словно маленького мальчика с небольшой задержкой в развитии клевые ребята со двора принимали в свои игры.

У меня дома, правда, была старая электрогитара, которая уже долгое время со времен юности пылилась в чехле под кроватью. Однажды ночью П. ее обнаружила. Она аккуратно вытащила ее из-под кровати, смахнула пыль и расстегнула чехол. Глаза ее заискрились. Она внимательно осмотрела ее, прижала к своей обнаженной груди черную плоть из клена и произвела два негромких аккорда.

– Какая красивая, – она разглядывала корпус, интимно поглаживая ее изгибы своей маленькой ладонью. – За что ты так с ней?

– Я честно пытался, но так и не вышло из меня рок-звезды.

– Она не должна из-за этого страдать, – П. перевернула и продолжила гладить ее по спине. – У всего в этом мире есть свое предназначение. У нее есть, при том явное и неоспоримое. Она была создана, чтобы создавать музыку. Чтобы человек, в котором живет чувство, мог выразить его. А тут она умирает. Это просто бесчеловечно. Или отпусти ее, отдай ее кому-нибудь, кто сможет оценить ее по достоинству и вновь вдохнуть в нее жизнь или все-таки сделай так, чтобы хотя бы одной бесполезной вещью стало меньше в этом мире, их и так достаточно.

Я пообещал П., что возобновлю свою практику и потом возьму ее группу к себе на разогрев на Уэмбли. Она улыбнулась. Каждый раз впоследствии, как она приходила ко мне, она непременно брала гитару в руки и с точностью могла сказать играл я за прошедшее время или нет. Потом забиралась с ногами на кровать, подбирала аккорды и тихонько напевала, склонив голову к ней голову. Она слушала тихую песню гитары и вторила ей своим голосом. Словно ребенка она прижимала к себе, стараясь передать тепло своего тела, тонкими пальцами легонько перебирала струны. После деликатно откладывала ее в сторону, на прощанье скользя рукой от колок до основания.

Гитара была лишь показательным примером. Отличительной чертой П. была острое чувство на несправедливость. Начиная от бездомного продрогшего котенка, заканчивая геноцидом. Она начинала шумно, но с такой прямой детской искренностью возмущаться, ее глаза сверкали и руки долго не находили себе места и никак не могли вернуться в расслабленное положение. Она непременно обращала внимание, того кто был рядом, страстной тирадой про конкретный случай, что попадался к ней на глаза. Если я переставал слушать, то она продолжала говорить само с собой. Иногда целый вечер был посвящен какой-нибудь новости из интернета. Только ближе к самой ночи, она низменно сокрушенно подытоживая: «Это все, пиздец, как неправильно. Что за большой мир?!». Но это не вызывало ни капли раздражения и ни в коем случае не отдавало какими-то шаблонными нравоучениями. Она не била себя в грудь, никогда не бросалась громкими фразами в сослагательном наклонении. Она прекрасно понимала свою беспомощность в глобальном аспекте, но при этом старалась изменить что-то в своем подвластном пространстве. Ее сердце не могло привыкнуть к реальности, она прекрасно

было с ней знакомо, в совершенно различных ипостасях. Она все прекрасно понимала. Но окончательно смириться никогда не могла. Ее заработок официантки был скромен, но неизменно она переводила небольшую часть в благотворительные организации или непременно давала милостыню бездомным или уличным музыкантам.

Однажды, я встретил ее поздно вечером после репетиции ее группы на новой базе. Мы были на окраине города. Чтобы долго не добираться до меня, П. предложила остаться у нее на квартире, ее соседка в тот день как раз была в отъезде. Мы взяли бутылку виски, и отправились к ее дому.

Район был явно не из престижных. В прежние времена предназначавшийся для рабочих семей, сейчас в нем оставались только те, кто так и не смог уехать. Всю его заводскую романтику я смог прочувствовать, пока мы полчаса шли от остановки пешком. Полубезумные старухи, запойные алкоголики, толстые густо накрашенные женщины с тяжелыми сумками и панкующая молодежь. Неуютные постиндустриальные пейзажи с заборами из мириадом одинаковых саморазрушающихся исписанных граффити бетонных плит, перемежались с пустырями с перегоревшими фонарями, где во мраке прятались не демоны, но размещались за бутылочкой компании из не самых успешных слоев общества.

Когда мы добрались до ее дверей, я спросил, как она может жить в таком месте.

– Если выбирать между развитием чувства прекрасного и дешевой арендой, то, на данный момент, я предпочту второе.

– А не страшно поздно возвращаться домой?

– А есть очень простой секрет. Главное – не улыбаться и не лезть к ним. Тогда все окружающие будут воспринимать тебя за своего. Такую же понурюю единицу, которую жизнь не то, чтобы поимела, а в принципе не стала вступать в какие-либо сексуальные отношения. И никто к тебе не полезет. Так с самого момента начала жизни, когда ничего не видел, ничего и не нужно. Конечно, грустно все это.

Ее квартира была небольшой, со старой импозантной мебелью, но при этом необъяснимо неуютной. Это чувство охватило меня буквально с самого порога. Словно прежние хозяева спешно покинули ее из-за каких-то непредвиденных обстоятельств, и сама квартира не собиралась мириться с тем, что они уже не вернуться и терпеливо их ждала, с негодованием перенося нахождение новых постояльцев. В гостиной вдоль стен с пожелтевшими обоями располагались повидавшие виды старые кабинеты, пожилые, но с несгибаемой твердостью как в молодости выдерживающие вес погруженных в них книг. В углу комнаты стоял старенький, и, судя по количеству обставленных вокруг него вещей, неработающий телевизор. На полу комнаты располагался немного полинявший коврик, прикрывающий недостатки паркета. На нем потягивался небольшой черный кот, принадлежавший П. Пока она поверхностно прибиралась в квартире, я взял кота и сел на диван. Зверь был сонный, он лениво переносил мои поглаживания. Но как-только услышала звук шуршащих пакетов с кухни стремительно сорвалась с моих коленей. Я огляделся по комнате. На полках не было никаких следов, что сейчас тут живут две девушки. В принципе, какие-либо свидетельства, по которым можно было вычислить, что здесь кто-то живет на постоянной основе, отсутствовали. Возможно, это и было основной причиной неуютности на подсознательном уровне.

П. позвала меня на кухню. На столе, от которого пахло нотками хлорки стояла только что купленная бутылка виски, пара стеклянных стаканчиков, половина упаковки сока и маленькие бутербродики с разнообразными начинками из всего, что оставалось в холодильнике.

П. и в самом деле переехала сюда совсем недавно. Стремительно расставшись со своим молодым человеком, она некоторое время скиталась по друзьям, пока не попался этот вариант. Так что она въехала сюда с большим рюкзаком, гитарой и кошкой. «На данный момент сгодится, в любом случае на зарплату официантки на большее рассчитывать не приходится.» Скромные доходы от музыкальной деятельности идут на музыкальную деятельность же. В

родительский дом она точно не станет, так как с матерью у нее не самые приятные отношения. Она не стала рассказывать подробнее, я не стал уточнять. Иногда в своих рассказах, она делала паузу, чтобы потискать кота, пока тот не начинал жалобно мяукать. Тогда она довольная целовала его в морду и отпускала.

На кухне с потолка свисала единственная лампочка без абажура. Из приоткрытого окна интеллигентно проникал прохладный ветерок, состоящий из запаха шелестящей листвы и жженой резины. С улицы то и дело был доносились пьяные крики диаметрально противоположного эмоционального окраса с разных этажей, поп-хиты прошлого поколения и автомобильные гудки. П. была уставшей и несобранной, фразы ее – короткими и обрывистыми. Она то и дело неожиданно замолкала в середине предложений, подолгу смотрела в приоткрытое окно, пока пепел с сигареты не падал на стол. Тогда она спохватывалась и как-то неуместно отшучивалась. Из бутылки мы выпили от силы половину. В конце стало понятно, что сидеть долго нет ни сил, ни желания и мы пошли к ней в комнату, предварительно насыпав коту еды, чтобы он нас не доставал с утра.

Ее личное пространство было настолько мизерным насколько это возможно в цивилизованном мире. Покосившийся шкаф, который отказывался принимать одежду, поэтому она аккуратно складировался перед ним, односпальная кровать с приставленной тумбочкой и одинокой лампой, стул, окно без занавесок. На этом всё. В качестве декора гитара и пара пустых бутылок, поставленных в короткий ряд по высоте вдоль коричневого плинтуса. На тумбочке возле кровати я заметил маленький серый мешочек из ткани. Как только моя рука потянулась к нему П. быстро прореагировала: «Не трогай».

– А что там?

– Руны.

– И почему их нельзя трогать?

– Это отрицательно действует на их силу, если их берет в руки кто-то помимо владельца.

– Ок. И что ты с ними делаешь?

– Гадаю.

– Хм, и многое совпадает?

– Конечно, неделю назад я гадала и мне выпало, что через семь дней ты будешь сидеть здесь и задавать дебильные вопросы.

Она взглянула на меня с нескрываемой злостью, взяла мешочек в свои руки и стала аккуратно перебирать. Вытаскивала по одному камешку с изображенной на нем руной, прищуриваясь, рассматривала их и возвращала обратно.

– Если серьезно, мне выпало некое приятное известие в будущем, так что сижу, жду.

– А можешь мне погадать?

– Я не то, чтобы маг-провидец в третьем поколении, но давай попробуем.

П. поднялась с кровати, чтобы выключить верхний свет и оставить лампу. Видимо, для придания таинственности. Вернулась на кровать, но отсела немного дальше от меня. Тщательно разгладила простыню между нами. Участок застиранного постельного белья с нелепым цветочным узором избавился от складок и катышек и был готов стать площадкой для эзотерического действия. П. подобрала под себя ноги, выставив наружу обнаженные коленки с маленькими синячками. Она держала мешочек у себя в руках словно раненого птенца и бесшумно двигала губами. Лицо ее белая бесстрастным, глаза закрыты. Затем на несколько мгновений она стала бездвижной. Открыв глаза, она высыпала камешки на простыню, поочередно перевернула все знаком вниз.

– А теперь сформулируй у себя в голове какой-либо волнующий тебя вопрос. Положи руку над ними и начни водить на небольшом расстоянии, не касаясь. Как только почувствуешь, от каких-то тепло – то возьми их и положи перед собой, не переворачивая, именно в том же положении. Надо выбрать три камня.

Я выставил руку и начал водить над ними, пытаясь ощутить некое тепло. Мне действительно было весьма любопытно, потому я отнесся к ритуалу со всей серьезностью и уважением. Однако, никакого тепла я не чувствовал и разницу между отдельными камешками, как ни пытался, ощутить не мог. Поэтому я просто выбрал три наугад. И как указывала П., перенес их по одному, не меняя их положения и положил перед собой.

– Хорошо, – П., все это время внимательно за мной наблюдавшая, чтобы в зародыше пресечь возможную скептическую улыбку, быстро переместилась на мою сторону кровати, внимательно изучила расклад, после чего задумчиво хмыкнула.

– Так, вроде говорят, что ты сейчас находишься не на своем месте. Вернее, что ты пришел туда, где быть не должен. И что тебе надо, как следует поразмыслить куда двигаться дальше, пока не стало слишком поздно. Потом вторая говорит, что будущее туманно. Что будут события, которые сильно повлияют на тебя. Грубо говоря, поштормит. Но надо плыть дальше. Вот. А третий символ говорит, что в конце, все должно закончиться неплохо.

– Именно неплохо? Даже не хорошо?

– Ну может и хорошо, смотря как сам будешь оценивать.

– Какой-то пространный ответ.

– Так в этом вся суть! Ты задаешь четкий вопрос, но все равно получишь пространный ответ, – было заметно насколько она возмутилась моей неосведомленности в гаданиях. П. стала собирать камни.

– Ну допустим. И что мне теперь со всем этим знанием будущего?

– Это – твое дело. Руны или что другое никогда не дают тебе прямое руководство к действию. Нечто, к чему ты обращаешься посредством них, вот оно как сторонний беспристрастный наблюдатель, который открывает тебе свое видение того как все вероятно сложится. Но будущее все равно остается только в твоих руках.

– Все это как-то сомнительно, вот если мы сейчас второй раз бы разл. . .

– А что для тебя не сомнительно? – П. резко оборвала меня, отвлекшись от своего занятия.

– Дай угадаю. Наверное, только то, что ты видишь вокруг себя? И еще, что рассказывали тебе в школе?

– Ну да.

– Ну да. . . Ну так вот откуда тебе знать, что все обстоит так как тебе говорят? Сейчас наука объясняет практически все, а что не может – пытается выстроить сложные объяснения. Но так было и тысячу лет назад. Сейчас каждый уважающий себя человек, прочитав какие-нибудь новости из области космических открытий за именем какого-нибудь крутого чувака, сразу же принимает их за правду и единственно верное положение дел. Также как и тысячу лет назад, когда шаман говорил, что надо принести в жертву девственницу. А все потому, что обычный человек слеп и глуп, и абсолютно ни хрена не понимает, что происходит вокруг. Если бы во всех книгах, которые он читал с детства, не писали, что молния – это не гнев божий, а всего лишь электрический разряд, то обычный человек так бы и падал ниц каждый раз при грохоте с небес.

Вот только этот обычный человек понятия не имеет, как это все работает. Начиная со своего телефона и заканчивая гребаной Вселенной. Да, есть какие-то атомы, что-то с чем-то взаимодействует. Но сам ни хрена не в этом не смыслит. Он лишь заучивает все эти постулаты, чтобы спокойно вылезать из своей пещеры. Ему больше не надо мыслить, соотносить, бояться неизведанного. Все вокруг вроде как изучено.

Но ничего не стоит просто так отбрасывать в сторону, принимать на слепую веру. Если ты чего-то не видишь – не значит, что этого нет. Если тебе говорят, что этого нет – это не есть постулат.

Я не могу тебе с уверенностью доказать, что нечто нематериальное не существует, но поэтому же не могу тебе сказать и обратного. Ты знаком с «Тибетской книгой мертвых»? В ней, если вкратце, описывается, что происходит с душой после смерти. Что она проходит испытания, встречается с богами, которые экзаменуют ее и после этого следует определение дальнейшей судьбы. По сути, конечно, просто древняя живописная религиозная книженция для успокоения перед страхом смерти и неопределенности. Однако, самое забавное, что в Египетской мифологии принцип такой же. И в Кельтской. Да и в нашей любимой Библии. Конечно, названия и образы другие. Уж на что была богата региональная фантазия. Но идея та же! Душа уходит из тела и встречается со своей сущью. По-моему, очень странное совпадение, что древние люди с разных уголков планеты описывали по сути одно и то же. Так вот, у них была душа и они еще могли ощущать, видеть то, что в современном технологическом мире уже воспринимается как паранормальный бред. У человека была душа и она отвечала за восприятие эфемерных сил. И виденье загробного мира. У человека было два начала, то есть два центра восприятия: мозг и то, что в нашем обществе называется, душой, то что отвечает за восприятие того, что нельзя понять и осмыслить. Так вот, со временем, чем больше становилось знаний об окружающем мире, чем больше появлялось доказательств и описаний всего – тем больше крепчал мозг, и тем самым он подавлял другое противоположное ему начало. Мозг стремится стать полноценным хозяином подвластной ему оболочки, у него свои собственные задачи. Это ведь давно известная теория, что мозг – по сути это – паразит. Можешь найти статьи по этой теме. Это не ты живешь с мозгом, а он живет с тобой. Он принимает решения, которые выгодны с точки зрения эволюции. Ему нужно плодиться и развиваться. Ему необходим контроль. Ему ни к чему лишнее восприятие. Душа – не есть сознание, порожаемое им самим. Сознание – это состояние, в которое погружает тебя твой собственный мозг, чтобы создать восприятие, что ты сам властен над собой, а не кто-то иной ведет тебя по жизни под пристальным присмотром. Как опытный игрок в шахматы заставляет тебя подумать, что ты ведешь партию, но двумя ходами в самом конце ставит тебе «мат». Душа – это именно нечто отстраненное. Дуализм воплощенный, в одном отдельно взятом человеке. Она отвечала за гармоничную связь с окружением. Мозг действует деструктивно. Он завоевывает, он подминает под себя, диктует свою волю. Теперь, на данном этапе развития человека, он блокирует, все что не укладывается под обработанный веками шаблон поведения, заставляя игнорировать и сомневаться во всем, что за гранью пяти органов чувств или простейших умственных операций.

Но этот блок не является тотальным, он все еще не в состоянии полностью замонолитить вторую, «неразумную» сторону восприятия. Это как раз и объясняет многое, что неподвластно объяснению. Будь то ощущение умерших рядом, ясновиденье, дежавю и даже эти самые руны.

Но самое смешное, что нельзя определить, как оно есть на самом деле. То есть восприятие настолько изнасиловано мозгом и навязанным им мышлением, что невозможно понять, было ли то, что ты ощутил действительно чем-то метафизическим, божественным если хочешь, или лишь ты подумал, что это было таковым. Знаешь, как с воспоминаниями. Нельзя с абсолютной уверенностью сказать, все что ты помнишь действительно происходило в самом деле, а не было смоделировано в твоей памяти по рассказам или каким-то образам из фильмов.

Я хочу сказать, что надо избегать категоричности суждений сомнительно или непроверяемо, есть или нет. Так как ты – никто, чтобы это определять. И куда лучше думать, что все-таки есть что-то необъяснимое и непознаваемое в этом мире. В противном случае все становится слишком скучно.

Я взял небольшую паузу, чтобы понять, все сказанное.

– Хм... И ты веришь в это?

– Во что-то же надо, – холодно ответила П. и погасила лампу на тумбочке.

О темах, которые ее волновали, П. всегда говорила с каменным сосредоточением и предельной серьезностью. Причем в каком бы состоянии она ни была: пьяная, уставшая,

голая, сонная, взбудораженная, что-то жующая. Частенько все состояния приходились на один момент. Но что касается именно гадания я не думаю, что она была полностью захвачена миром рун или духов. Она лишь допускала возможность, оставляя вероятность нечто непознанного не где-то там, за пределами Вселенной, а именно тут в окружающей всех нас действительности. Как ребенок, который со смешанным чувством страха и любопытства приоткрывает дверь в заброшенный дом по соседству. Скорее, всего там нет ничего интересного, но ведь этого никогда нельзя сказать наверняка. Да, наверное, и не нужно. Ведь гораздо интереснее смотреть на этот покосившийся, но все еще хранящий свое достоинство стоящий обособленно без света и людского присутствия дом, оставляя при себе мысль о возможной тайне внутри него.

Результаты гадания, так называемое пророчество я запомнил. Не знаю, что именно имелось в виду под «поштормит» и «оказался не там, где стоило». Если поразмыслить, все это можно отнести к чему и к кому угодно. Как гороскоп на каждый день. Но скорее всего все это размытое трактование можно отнести непосредственно к П.

Одним вечером я как обычно покорно сидел на детских качелях и ждал пока П. закончит репетицию. Весенний сезон дождей наконец-то закончился, и на улице стало по-настоящему тепло. Можно уже было надеть любимую легкую куртку, смотреть на набирающие силу молодые листочки и с удовольствием вдыхать приятный вечерний воздух.

П. появилась немногим позже обычного в каком-то неестественно приподнятом настроении. Она стремительно подбежала ко мне, обняла меня со всей своей силы и звучно поцеловала в губы.

– Стучилось нечто хорошее? – я был несказанно рад видеть такой подъем духа.

– Да! Сейчас на репбазе был один радиоведущий. Ну ты его наверняка знаешь. Такой, в очках, с козлиной бородкой. Забегал по своим делам. И вот он случайно услышал как мы играли. Потом подошел, мы поболтали и он пригласил выступить нас к себе в шоу. В следующую среду. В прямом эфире! Представляешь?!

– Круто. Вижу, ты воодушевлена.

– Ну не, не, ничего такого, подумаешь. Нас же каждый день зовут играть на всю страну.

– Должно быть это и есть то приятное известие, что было предсказано.

– Сложно сказать, меня еще сегодня угостили манго.

– Какой потрясающий день!

– Да! Надо бы куда-нибудь зайти, не хочется просто тащиться домой. Да и погода такая приятная.

Я ее поддержал, и мы заглянули в небольшой бар, расположенный на последнем этаже старого особнячка в самом центре. Вечером в будний день людей не было и мы смогли спокойно расположиться на балкончике, откуда открывался приятный вид на старую городскую площадь. П. немного уgomонилась, уверяя, в первую очередь, саму себя, что это приглашение, на самом деле, ничего особенного, в этом шоу много кто появлялся, и ничего это особенно не значит. Хотя по огоньку в глазах, было понятно, что она уже прокручивает свою благодарственную речь при вручении Грэмми за лучший альбом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.